

Мир по ту
сторону
пера

сборник произведений молодых авторов

Мир по ту
сторону
пера

Издательство «Anchor»
Томск, 2012

Может дело
лишь в нас
самих?

МОЖЕТ, ДЕЛО ЛИШЬ В НАС САМИХ?

*Я задуматься вас прошу,
И, возможно, не вас одних:
Когда что-то вокруг не так —
Может, дело лишь в нас самих?*

*Почему каждый должен любить
То, что свято и дорого вам?
Почему — лишь по правилам жить,
А кто против — невежа и хам?*

*Вас растили другим путем,
Вам другую дарили мораль.
Кто вам право дает тогда
Жизней править чужих скрижаль?*

*Я задуматься вас прошу,
Обращаю я вам этот стих.
Если что-то со всеми не так —
Может, дело лишь в нас самих?*

Алексей Фетобайт

РЕШАТ, ЧТО ЭТО ПРАВДА

*Я видел сон: в нем жили люди.
Да, просто жили, без прелюдий, –
Парень и девушка — одни,
И были счастливы они.*

*У них был остров средь пучин,
Хватало времени, причин,
Трудиться рук не покладая,
Погоды злость превозмогая...*

*Сейчас, однако, здесь покой,
Порой лишь заревет прибой...
И башни в центре две стоят,
Цветами свежими манят...*

*Их разнесите в шелуху
С историей о счастье на слуху,
С легендой о любимых, о любви,
О людях, что те башни возвели!*

*И больше ничего не изменить,
Никто, ничто не сможет отомстить,
Но все в эту историю поверят,
Решат, что правда, не проверят...
Решат, что это правда...*

Алексей Фетобайт

КОГДА ПРИХОДИТ БЕДА

*Что держит меня на плаву?
Что великих дает мне сил?
Что вводит в жизни моей главу,
О которой я не просил?*

*Лотерея сказала: «Ты хуже других».
И грядет испытаний ряд.
Почему же тогда я пишу этот стих,
Когда в душе моей — яд?*

*Может, просто смирился, ведь я не боец,
Не борец за право и слово.
Неминуем бывает порой конец,
И встречать его надо толково...*

*Может, я не познал, насколько все плохо,
И я праздный такой инертно?
Не увидит мне уж знаменитого Сохо
И Париж не узреть посмертно...*

*Нет, постойте, ведь это всего лишь редут,
И за ним не погибнет мой слог!
Свершений тьма впереди меня ждут,
Неизведанно столько дорог...*

*Я не сдамся, и пусть своей силы
Источник пока не узнать,
Я готов покорять знаний массивы,
Пытаться, искать и дерзать!*

Алексей Фетобайт

ВОЙНУ ВЕДЬ ТОЖЕ НУЖНО ОБЪЯВЛЯТЬ

*Войну ведь тоже нужно объявлять...
Кого-то убеждать, во что-то верить.
Сложней всего на свете — начинать,
И путь есть лишь один: это — проверить.*

*Нет ничего по жизни «просто так»...
Повод всему есть, и никуда не деться.
Мотив несет и маленький пустяк,
И тагнит орус, если так начнет хотеться.*

*Пусть не приходит в одиночестве беда,
И так уж вышло, что нельзя прожить без горя.
Боль с другом разделить сможешь всегда,
И боль эта тебя покинет вскоре.*

*И может, света того нет в конце тоннеля
(А может, есть, ведь я не фаталист).
Столь важным остается просто верить,
И цель обрадует, сколь б ни был путь тернист.*

Алексей Фетобайт

Твоя Индивидуальность

*Забывать не о тебе, а о дыханье,
Почувствовать, что значит жить.
Пустое, глупое, но оправданье
Ищу тебе и пробую любить.*

*А тишина со мной сыграет
В игру неприкасаемых сердец.
Порою суть твоя надоедает,
И ты себе как будто льстец!*

*Остановлюсь пред расстояньем,
Столь сокращенном до тебя,
Пытаясь подружиться с совладаньем,
Чтоб не предать тебе себя.*

*Подзабраться в замкнутом пространстве
Теперь уже не сложно, но в намек.
Твоя Индивидуальность не в единстве.
Но именно на ней затлеет уголек...*

*Еще через желудок крепкий
Возможно совершать влюбленности шаги.
Ну а пока что, через повод резкий,
Язвит лишь мой в такие дни.*

*Возможно, что измена поведенья
Поможет мне немного вдохновить.
Из твоего столь глухого забвенья
Хоть малость сможет возродить.*

*Но изредка случаются секунды,
В трепещущий волненья вздох,*

*Когда срываются твои абсурды,
И твой порыв совсем неплох!*

*Горя желаньем хулиганки,
Почти покорно взгляд томя!
Но все же лучше для меня, поганки,
Восстановить дыханье и забыть тебя...*

Аля Белл

РАЗРУШАЮЩИЙ СОЦИУМ

*Желание мое — над повседневностью подняться
И посмеяться лишь над тем,
Как могут люди изменяться,
И постепенно становясь никем.*

*Обыденности строки давят,
Разламывая тон крылом,
А мелкие созданья травят
Те байки, что лишь об одном.*

*Кого? И от кого защита?
В наших бесформенных сердцах
Как будто каменная бита,
Держащаяся в пламенных руках.*

*Атака социальных нервов
На трансформацию меньшинств.
От прочности людских вольеров
Нам не поможет чувство материнств.*

*А гамма битых алгоритмов
Раскрасила бездумных дни.
Суммируются ноши ритмов —
Такие мысли от себя гони.*

*Восьмерка, что по горизонтали,
Всем предрекает лишь одно:
Сравнение нашей нереали
Всегда как скучное кино.*

*Интрига сладкого забвенья
С заслонкой сладко-нежной лжи,
Стиль общества и поведенья
Невольно вызывает швы.*

*А с ним уже порок — бороться,
И выход у людей один!
Под всех и вся уже прогнуться,
Но с функцией такой: «Недоверин».*

Аля Белл

В знак нашей светлой дружбы

В знак нашей светлой дружбы
Ты подарил бы мне букет,
Но всюду грязь да лужи,
Цветов на поле нет...

В знак нашей светлой дружбы
Ты подарил бы мне звезду,
И, если было б нужно,
Слетал и на луну.

В знак нашей светлой дружбы
Ты подарил бы мне слова,
От смысла бы которых
Кружилась голова.

В знак нашей светлой дружбы
Я подарю тебе стихи
С моим к тебе признаньем
И веточкой ольхи.

Анастасия Воробьева

ДЕДУШКЕ

Я не буду мириться с судьбой!
Знай, что снег не растает к рассвету.
Мы лишь память возьмём на покой,
Пренебрегнув чужим советом.

Я навечно запомню тебя
На висках с сединою прекрасной,
За тобой, жизни нить теребя,
Годы вьются тропею опасной.

Помню, как мне, ребёнку, порой
Перед сном ты рассказывал сказки:
В них могла я быть быстрой стрелой
И примерить всех зрителей маски.

Но жестоко так время идёт,
Остаётся одна лишь загадка.
Пусть летит в небеса самолёт,
В облаках звёзды спят сладко-сладко.

Анастасия Воробьева

ПИСЬМО 1812 ГОДА

*Упал на небо тёмно-красный цвет,
А я пишу, забыв про все угрозы,
Ведь есть вся ночь, ну а потом — рассвет,
И капли крови станут ярче розы.*

*Сидит солдат и смотрит в небеса.
Ему ещё жизнь толком не знакома,
Зато он знает мёртвых голоса,
Он так давно уже вдали от дома.*

*А я пишу, прекрасная, тебе,
И сердце бьётся, несмотря на раны.
Мы помешаем вражеской ноге
Перетоптать российские поляны.*

*Спит карабин, и дремлет сладко пушка,
Лишь издали раздался тихий стон.
Война, мой друг, не новая игрушка,
Всеми виной француз Наполеон.*

*Прогнала сон поникшая лампада.
И как уснуть, когда так близок бой.
Победа — это лучшая награда!
Мы вдохновились страстною мечтой.*

*Уже рассвет — и мне пора прощаться,
Ваш образ я всегда ношу с собой.
Мне только лишь живым в бою остаться,
Наступит день — и я вернусь домой.*

Анастасия Воробьева

МОРЕ БЫЛО СПОКОЙНОЕ

*Море было спокойное, тёплое,
Красота, и вокруг — ни души.
Небо плыло такое лёгкое.
Тишину нарушать не спеши!*

*Постепенно заря растекается
Над стенами могучих гор,
И всё выше луна поднимается,
По воде плывёт красный узор.*

*Птицы в этот вечер волнующий
Не покинут своих ветхих гнёзд.
А луна всё всплывает чарующе
Жёлтым шаром в обитель звёзд.*

Анастасия Воробьева

Нам утро распахнет лениво веки,
И холод осени до дрожи проберёт.
Покрылись льдом чужие реки,
Не жди: он больше не придёт.
Темнеют тучи над полями,
И звёзд не видно по ночам.
Всё жжёт дрожащими руками
Стихи, что посвящала Вам.
Она изрежет в клочья платья,
Рассыплет бусы на паркет
И заключит в свои объятия
Его рисованный портрет.
Её найдут только к рассвету
У края ледяной скалы.
Она стремится к тому свету,
Спеша на адские костры.

Анастасия Воробьева

Ночной талант

*Мне снятся стихи,
Палящие, как бумажные самолетики.
Всё потому, что я подсмотрел их
В замочную скважину дня.
Плывут они,
Зыбкие и беспомощные,
Как пух одуванчика
На прозрачном ветру.*

*Равнодушно наблюдаю
Пришествие новых титанов.
Не блистаю оригинальностью,
Зияю дырой в заводском заборе.
Словно сорняк, упрямо проросший
В козырьке над парадной,
Торчу в этом городе и
Внемлю отрывке
Водопроводного крана.*

*Царапина —
Будто безумный художник
Мазнул мастихином
По моей холодной ладони.*

*Наступаю на трамвайные рельсы —
Подошвами чувствую ток
Вибраций, ползущих к коленям и выше,
До самого мозжечка.
Через мгновенье я буду
Непременно раздавлен
Нахлынувшим ощущением
жизни.*

*У памяти гранитный лоб
И лапы цепкие птичьи.
Схватит, вцепится в физиономию,
Оставляя морщины
Как наказание, как знак,
Что всё уже состоялось.*

*В тот момент,
Когда я остался один,
Я услышал отчаянный крик тополей за окном.
Слушал истошный, пронзительный вой;
Надрубленный горизонт рухнул в ночное болото.
Словно спутник, сошедший с орбиты,
Мир вдруг взял да и запотел за моими очками,
Дрогнул, как пламя худенькой свечки.
Он словно готов был спрятаться
В пустом коробке из-под спичек,
Но вдруг просто сжался до размеров меня,
Когда я остался один.*

РИК РАЙТ

*Осталась межгалактическим эхом,
Протяжным, пустым, разноцветным,
Мелодия, что когда-то Вселенной
Плакала на руках электромагнитной свободы,
Шныряла в листве, вязла в облачной вате,
Цеплялась за седые антенны волос...
Робким эхом, гулом осеннего ветра
Сливалась с криками чаек,
Становясь с каждым днем,
С каждой нотой всё выше и дальше,
Угасая в зените, становясь бесконечностью.*

*Мелодии, как музыканты,
Как люди, деревья и камни:
Они тоже
Однажды
Бывают мертвы.*

*Рок-н-ролл мертв...
Шаманский больной хоровод,
Сбросьте одежды —*

*Мы выйдем без них!
Так не стыдно бросаться под пули.
Оставившим землю дано
Хромать сквозь пространство и время
Всё дальше и выше,
Чтобы где-то в глубинах вселенной
Коснуться нечесанным хаером
Дланей запретных богов.
Эти стихи — квинтэссенция героина и страсти.
Впрыскивай радугу на сгибе локтя,
Кричи прямо в ночь —
Та ответит, наверное.
Скользи над бетонной свалкой Земли
Сквозь облака
Над могилами старого мира.*

*Ночной талант —
Считать позвонками
Шаги уходящих трамваев,
Ежедневное чудо
Ощущения щетины
На собственном подбородке;
Панический калейдоскоп
Созерцания дней
Через призму стакана;
Лаконичность мысли о бытии,
Щелкнувшей вместе с замком
Закрывшейся двери,
Бесполезность тела,*

*Постигаемая через
Толкотню в маршрутке...
Комичность исхода жизни —
В процессии
Мимо разявых окон.
Спокойное осознанье себя,
Словно этой герани, молитвенно
Протянувшей ладони
Навстречу
Древнему божеству,
Показавшемуся из слухового окна
Под бездонною синюю крышей.*

*Под тяжестью солнца
Почернеем, просядем
И грязью ручьев
Зажурчим по облезлым кюветам
Трассы М-53,
Подбирая окурки, фантики
И детские корабли из линованной бумаги,
Чтоб успокоиться близ придорожных кустов,
Исчезнуть в земле так легко и внезапно,
Навечно
Став её запахом, цветом
И пылью.*

Даниил Харченко

Об алмазном мече и деревянном мече

Книге Н. Перумова посвящается:

ОБ АЛМАЗНОМ МЕЧЕ И ДЕРЕВЯННОМ МЕЧЕ

*Слабо светятся грани на тонком мече,
Кровь темнит острие Имельстронга,
Богомерзкие дану свой дали ответ,
Молот мести хумансовым гонгам.
Кровь питает мечи,
И ищи — не ищи,
Нет пощады в безумии мести:
Кровь глаза залила,
Разум весь оплела,
И нет в мире ни света, ни чести.
Ярко блещут все грани другого меча,
Отовсюду призывы о мести:
Друнг спасет гномий род,
И восставший народ
Станет скопищем адовых бестий.
Человек, что поставлен пред выбором был,
Он всевластен и также бесправен.
Ярость — и он о людях забыл,
И вершить суд кровавый отправил.
Всюду крови моря
И убийства зазя:
Дети, женщины в мессе жестокой!
Без пощады убить!
Хладный труп осквернить!
И оправдывать целью высокой!!!*

*Труп Хозяина Ливня лежит у костра,
Меч похищен, убитых так много...
На икону Спасителя сыплет зола,
Скорбь в глазах вдруг ожившего Бога...
Но лишь месть и война!
Только кровь и нужна!
Слезы в горестном крике Мадонны!!!
Пока всех не убьешь, ты покой не найдешь!..
Мир пустой... обгоревший... зловонный...*

Глазкова П.В

По тихим заводям души

*Я выбираю путь —
он будет звездный.
И по нему пройду,
пока совсем не поздно.*

*Я буду душу рвать
на мелкие на части,
Чтоб совершить последнее
и первое причастие*

*Я искуплю грехи,
я буду верить.
Но мне подрежут крылья:
для них я черный лебедь*

*И снова вдребезги,
и снова не могу лететь.
Начать сначала —
одно лишь, что могу хотеть.*

Дина Макалова

*Без лезвий, без боли, без крови
Тебя забираю с собою.
Без масок, без сердца от горя
Меняю себя на другое.
Огонь замечает те встречи,
Что были твоею судьбою.
Тебя я вне списка отмечу:
Когда-то мы были мечтою.*

Дина Макалова

*Я раньше жил во тьме —
Теперь мои глаза открылись.
Увидел свет я в новом дне —
Воспоминанья возродились.
И словно ожил в этот миг,
Заметил новое я в мире,
Поймал я солнца новый блик..
И я прозрел. Спасибо лире!*

Дина Макалова

*Нет-нет, счастливой я не буду:
Не здесь и не сейчас.
Всё слишком рано или поздно,
Нет времени для «нас».*

*Я очень молода для дел одних,
А для другого время уж ушло.
Не принимает сердце и того,
Что все, что было, то прошло.*

*Не выберу мечту одну,
Как мотылек пред светом мечусь.
И даже счастья не дано.
Наверно, с ним уже не встречусь.*

Дина Макалова

*Не вам обо мне судить:
У вас нет морального права!
И не надо в уши зудить,
Что совсем я другая стала.*

*Меня мучили жизни пороки —
Вы их просто не замечали.
Словно счастье в короткие сроки,
Стало сердце моё из стали.*

*Я грешила, врала, зазнавалась,
Отправляла не тем свои письма.
Может, я такой и осталась,
Будто парус над бухтой жизни?*

Дина Макалова

*Когда пройдет тот час, когда?
Когда достигну я покоя?
Оставлю тяжесть, и тогда
Услышу голос я прибоя.*

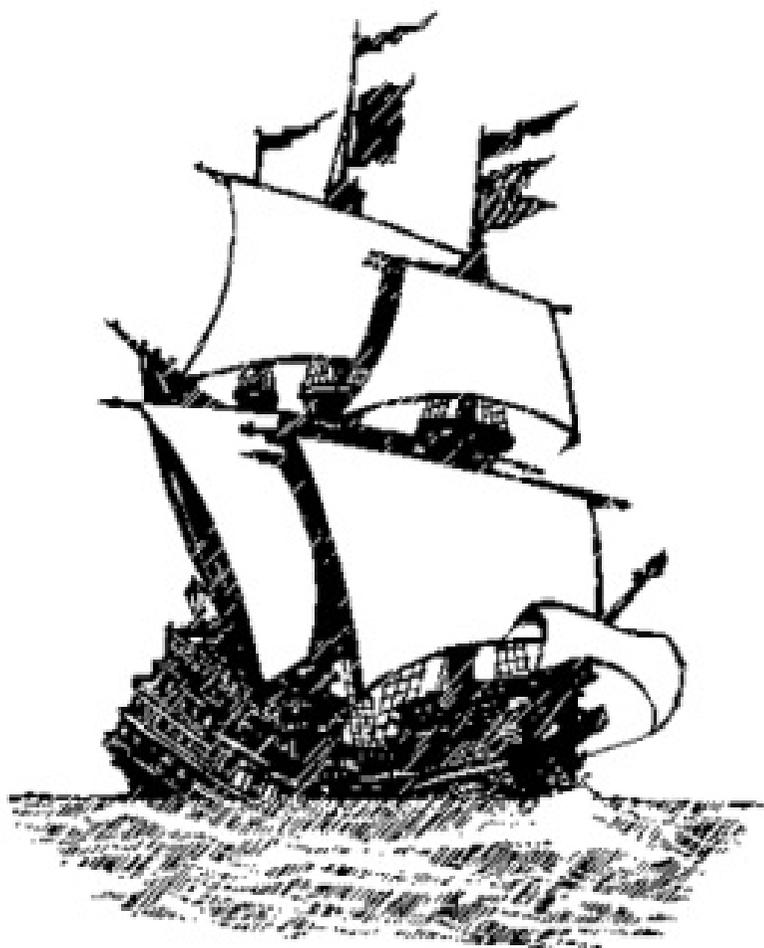
*По тихим заводям души
Я безмятежно погуляю,
И пусть на поле спелой ржи
Я, словно звезды, засияю.*

*Моя душа — золотое дно.
В фантазии могу забыться:
Пить яд как терпкое вино
И умирать, чтоб возродиться.*

*Но грёзам сбыться не дано —
Пути сознанья эфемерны.
Пусть не случится чуда. Но
Господь сочтет, что мы блаженны.*

Дина Макалова

Капрал

КАПРАЛ

*Летел без усталости, без боли, без чувств,
Летел он сквозь бури, морской глади буйств,
Летел, несмотря на порывы ветров,
Дать жертву к ногам посеидонских богов.*

*И темень вокруг: не видно, куда
Летит белоснежный дух степного орла,
Не видно земли, не видно конца —
Гаснет надежда степного гонца.*

*И волны стремились достать, победить,
А молнии светом, но насмерть — убить,
И грохот стоял, будто нет тишины,
И разрушал, как разрушились мы.*

*Взмах стал тяжелее, печальнее взгляд,
И сердце стучало, как песня наяд,
И был готов сдаться, отдаться волне,
Но свет озарил корабль во мгле.*

*И снова зажглась веры искра,
И снова уверенней стала душа,
И снова уверенней стал его взгляд,
Не видя теперь впереди тех преград.*

*А там, впереди, на мачте стоял
Гонимый мученьями, болью, капрал.
Он думал о том, что там, на земле,
Нет места ему, нет места теперь.*

*Что сердце разбилось от взгляда ее,
Но мысль осталась вернее его.*

Он бросил судьбу умирать на земле,
Хотя обещал вечность на корабле.

Любовь убивала похуже, чем бури
Дышать тяжелее, все туже и туже.
И был готов сдаться, отдаться волне,
Но свет озарил птицу во мгле.

Гонец прилетел — сохранил он письмо,
И вот руки капрала держали его.
С дрожью, со страхом смотрел он в листок,
Боясь прочитать, понять смысл строк.

Взгляд бегал по строчкам, читал он вздох,
И облегченья ища среди слов.
Все это — игра, и надо играть.
Он улыбнулся: она будет ждать.

Michel de Ro

Синий платок

*Я снова хожу по кругу,
Прогибами мнется кровать,
Тебе не понять как страшно,
Мне вновь тебя наблюдать.
Иступленным взглядом, смертельным,
Ты смотришь в немое лицо
Не стоит теперь о вечном,
Давно все уже решено.
Худой рукою сжимаешь,
Испачканный синий платок,
Я вижу, уже забываешь,
Как ты получил его.
Напротив-знаешь? Я помню
Дорогу, ведущую вдаль,
Прохожих куда-то бегущих,
Тебя-обронившим тетрадь.
Мне так показался знакомым,
Твой взгляд - никому не понять!
Что даже мороз на коже,
Оставил свою печать.
И долго я внятно смотрела,
В тень загнанный твой силуэт,
Я стояла, словно застыла,
Будто части меня больше нет.
Так смешно,
Но в грязи как дорога к надежде,
Два промокших лежали листа,
Запахавшись, догнав, робко взяв за предплечье,
Я тебе их с собой отдала.*

*Время сушит моря,
Чувств — ветер уходят.
В кресле рядом,
Но я будто одна.
Мы семья, но увя мы чужие,
С нами так пошутила судьба.
Помнишь там,
Где с тобой повстречались,
Куст сирени — символ нашей любви,
И платок, что когда-то к ветвям привязали,
Незаметно исчез, как и мы.
Другая семья, другие заботы,
В письме монотонная весть.
Ты просил заглянуть-
Просто так, попрощаться,
Если честно забыла,
Кто ты был,
Кто ты есть.
И вновь я с тобой,
Чуть к тебе наклонившись,
Услышу последний вдох.
Я шептала: «прощай, мой любимый, мой нежный»,
Из руки выпал синий платок.*

Мария Каюмова

Обмани Меня

ОБМАНИ МЕНЯ

Хроники уроков вранья

*Посвящается моей маме,
которая учила меня никогда не врать.*

ХРОНИКА ПЕРВОГО УРОКА. ПОВЕРИТЬ САМОМУ — ОБМАНУТЬ СЕБЯ.

«Обмани меня».

Билл оторопело, словно очнувшись ото сна, остановился напротив бесстыдно кричащей цветистой рекламы. Стенд казался ярким шлепком кисти с краской и по-особенному выделялся посреди вечерних городских огней. Юноша захлопал глазами, застыв посреди шумной улицы единственного крупного в штате Тул города Скам-Тауна.

«Обмани меня», — заявляла реклама.

Это казалось жестоким погружением в отвратительную реальность. Только что Билл в мыслях путешествовал по улицам родного

городка Пурхолд, и вот он снова здесь, оторванный от мечтаний наглым вторжением рекламы.

«Обмани меня».

Презрительно прищутив глаза, Билл достал из кармана широких джинс смятую пачку дешёвых сигарет. Отметив, что там почти ничего не осталось, он (в который раз), пообещал себе бросить курить. Какое уж там здоровье! Хотя бы в целях экономии жалких крох имеющихся у него денег. С отвращением к самому себе он запихал сигарету в рот. Почувствовав вкус табака, Билл понял, что перепутал концы. Мысленно ругнувшись, он зажал зубами фильтр и безуспешно попробовал зажечь обслюнявленную «конфету для взрослых», как нелепо провозглашала рекламная компания данной марки.

Проходившая мимо старушка брезгливо поджала губы, но он чуть не бросился ей на шею от радости — так сильно она ему напомнила его соседку в Пурхолде. Именно из-за этого воспоминания Билл дошёл до мусорки и кинул туда (а не на грязный асфальт) оторванный мокрый конец сигареты. Она наконец задымилась, и парень вдохнул белую горьковатую струйку с примесью неодобрения к самому себе. Докурив, Билл выбросил бычок в разноцветный зёв переполненной мусорки.

Затем юноша вернулся назад и, только вновь увидев рекламу, понял, зачем он это сделал. Однако на этом месте теперь ясно читалось «Барри и его

друзья». С раздражением отведя взгляд от пёстрого попугая, который советовал детям мыть руки перед едой, не разговаривать с незнакомцами и ложиться спать после колыбельной песенки, исполняемой хором Барри и его друзей, Билл с недоумением осмотрелся в поисках другой вывески. Но нигде больше не было видно тех букв, складывающихся в заманчивую фразу, пробудившую его.

Билл вновь посмотрел на рекламу детского шоу, так абсурдно воспринятую им за призыв к греху, как вдруг почувствовал странную рябь в глазах... Попугай Барри весь вострепнулся, а потом как будто съежился. По его пестрой грудке из сине-жёлто-зелёных перьев побежала тонкая красная полоса, которая становилась всё шире и походила на открывающийся рот. Казалось, что попугай раздирается на куски чем-то изнутри. Так и есть — части Барри полетели в разные стороны, а вслед за ним располовинились и сурок Джей, лягух Нози с хомяком Слоу. Не избежал раздирающего рока и любимец сестры Билла, которая в детстве смотрела это шоу — енот Клэвер. Со странной усмешкой подумав, что Мелани наверняка бы расплакалась, если бы увидела такой жалкий конец героев, Билл стоял как загипнотизированный.

Какой-то проходящий мимо толстяк задел застывшего юношу. Отойдя чуть в сторону, Билл вновь посмотрел на стенд, где произошла расправа над зверушками. В последний раз показав желтый фон, реклама окончательно окрасилась кровью

Барри и его друзей. Появились светящиеся буквы, и Билл вдруг понял, что это стенд с двумя рекламами, периодически сменяющими друг друга. Устыдившись своей недогадливости, он торопливо стал читать рекламу:

«НОВОЕ ШОУ “ОБМАНИ МЕНЯ”.

**НЕМНОГО ВНИМАТЕЛЬНОСТИ — И
ВЫ БОГАЧ!**

**КАЖДУЮ ПЯТНИЦУ В 21.00 НА
ВТОРОМ КАНАЛЕ.**

ПРЕМЬЕРА УЖЕ НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ!

ШАНС ЕСТЬ У КАЖДОГО!».

Билл отвёл глаза и посмотрел в сторону электронного табло, встроенного в стену высоты, над которым красными буквами сообщалось, что сейчас 19 часов 38 минут 13 июля 2006г. Пятница.

Ворвавшись в свою комнатушку на пятом этаже дома, который бы смело мог считать себя «отцом трущоб», Билл сразу же схватил пульт и включил небольшой телевизор, покрытый пылью. Серый слой хранил отпечатки множества точек и линий — следов ножек мух и пауков. На втором канале в правом верхнем углу всегда показывалось время. Сейчас было 20:55. Переведя дыхание, Билл достал из покосившегося холодильника с облупленной краской на дверце кусок замороженной пиццы и поставил его на жирной тарелке в микроволновку. Через две минуты таймер запикал, и Билл плюхнулся на заскрипевший под ним диван и открыл банку с газировкой из холодильника. Похлебывая прохладную пену и несколько раз рыгнув, парень нервно карябал пальцем по драной обивке дивана.

Наконец по экрану побежали титры, возвещавшие об окончании какого-то сериала, герои которого пытались выжить на острове, и Билл торопливо впился зубами в кусок пиццы. По подбородку потёк соус, и юноша вытер его тыльной стороной ладони. Появился значок местной телекомпании. Экран окрасился в тягучий тёмно-фиолетовый цвет. Заиграла какая-то громкая, визжащая музыка, через которую периодически пробивался резкий женский крик «Лжецы! Лжецы!». По фону забегали яркие, желтые, красные, оранжевые, кислотные линии и круги.

Воспалённые от недосыпания глаза Билла при виде этого зрелища заболели ещё больше. Заставка сменилась на буквы с рекламного стенда «Обмани меня», а затем появилась студия с белоснежно-зеркальным полом и сияющими алебастром стенами, увешанными фотографиями глаз всех цветов, разрезов, форм и размеров. Из-за кулис вышел ведущий, модно подстриженный, в синих джинсах и нежно-желтоватого цвета кардигане. Улыбнувшись типичной американской улыбкой и продемонстрировав идеально ровные белоснежные зубы, мужчина представился:

— Я Том. Зовите меня просто Том.

Одарив телезрителей ещё одной безукоризненной улыбкой, он объяснил правила игры. Они казались очень просты в устах Просто-Тома.

Участники — обычные люди, телезрители, предварительно написавшие заявки. Они приглашались в студию по очереди и тянули жребий. Каждому участнику доставались десять минут и герой, подготовленный психологами. Герой говорил какой-то факт о себе, и в течение десяти минут участник имел право задавать любые вопросы. По окончании положенного времени участника спрашивали: «Правду или ложь утверждает о себе этот герой?». После того, как все участники сделают свой выбор, герои приглашались обратно в студию и подтверждали или опровергали то, что говорили ранее. Всё, что требовалось от участника — разгадать ложь или поверить правде. Каждый герой стоил десять

тысяч долларов. В случае проигрыша участника эти деньги помещались в общий банк, в случае выигрыша участник забирал десять тысяч и весь банк.

Сегодня были представлены четыре героя: крепко сложенный подросток с копной длинных волос, до сумасшествия обожающий скайдайвинг, чертовски привлекательная девица, работающая в стриптиз-баре, зашуганного вида прыщавый паренёк в бесформенной куртке, обучающийся в Полицейской Академии, и строгий мужчина, аккуратно одетый, аж до блеска на ботинках, и утверждающий, что он владеет 80% процентами акций в крупной компании.

Все герои, по мнению Билла и участников шоу, говорили толково и уверенно, как будто зная то, о чём рассказывают. Лишь курсант Полицейской Академии постоянно заикался и испуганно озирался по сторонам. После короткой рекламной паузы ведущий вышел на середину студии и сказал, сияя зубами так, что, казалось, все прожектора отражаются от его улыбки, расходясь неровными лучами:

— Итак, все участники поговорили со своими героями и сделали свой выбор. По их мнению, юный экстримал, танцовщица и бизнесмен говорят правду, а будущий полицейский пытается нас надуть! Что ж, настал момент истины... Сейчас каждый герой выходит на середину студии и говорит свою правду.

Билл поднёс ко рту банку, запрокинул голову и допил остаток газировки. Шоу показалось ему безумно лёгким, и он испытал даже разочарование и стыд от своего торопливого ожидания. Парень был целиком солидарен с участниками в их выборе. Но правдивая реальность оказалась очень жестока.

На середину студии вышел экстримал. Твёрдо взяв в руки микрофон, он принял уверенную позу. На вопрос Тома он ответил:

— Нет. Я никогда не занимался скайдайвингом. У меня акрофобия.

Билл пожал плечами, проглотив эту ошибку.

Далее произошло разоблачение «бизнесмена».

Дрожащими руками он достал из кармана шикарного пиджака несколько смятых бумажек и потряс ими в воздухе с виновато-стыдливым выражением лица:

— Я по уши погряз в долгах! Это лишь малая часть векселей по неоплаченным счетам! Вся одежда, которая на мне, предоставлена костюмерами этого шоу! Я — вечный должник, и у меня никогда не было собственного бизнеса!

Как глупо получилось! Билл был уверен в этом внешне хладнокровном и ухоженном человеке, теперь на весь штат заявляющего о своих неудачах...

«Он обманул меня!», — в бешенстве подумал Билл.

Виляя бедрами и звонко стуча шпильками сапог-ботфортов, вышла «стриптизёрша». На ней было красное кожаное платье, не оголяющее ничего кроме ног ниже колена и предплечий рук. Однако оно было соблазнительно обтягивающим и плотно прилегало к телу девушки, очерчивая каждую линию. Билл заметил на платье молнию, которая шла от подола до шеи. Он надеялся, что она говорила правду. Он надеялся, что также как мнимый бизнесмен разоблачал свою ложь, так и она докажет свою правду. Прямо там. В студии.

Так и оказалось. Вместо ответа на вопрос ведущего девушка дотронулась рукой до шеи и медленно расстегнула молнию до самого низа. Под красной кожей оказался купальник-бикини. Билл даже сперва не понял, почему зрители в студии, сперва одобрительно взывшие, теперь ахнули. Всё тело девушки, до этого скрывавшееся под платьем, было в глубоких заживших ожогах. Не в силах смотреть на сморщенную омертвевшую кожу, Билл отвёл глаза.

— С таким-то телом не потанцуешь голой у шеста, — пошевелила намазанными красной помадой губами девушка.

— Ну же, пусть этот дрыщ меня не подведёт! — злобно вскричал Билл.

Не говоря ни слова, прыщавый юноша снял с себя свою куртку, продемонстрировав под ней синюю униформу курсанта Полицейской Академии.

Билл с досадой смял в кулаке банку из-под газировки. Да, правила были чертовски просты, но он бы сегодня не выиграл. Это были слишком простые правила, чтобы было так легко.

«Шанс есть у каждого», — внезапно услужливо толкнулось в его сознании.

Уже было далеко за полночь, а Билл всё не мог уснуть. Яркие, красочные слова «Обмани меня» никак не выходили у него из головы, в которой до сих пор звучала музыка из заставки. Всё просто: разгадываешь ложь и получаешь как минимум десять тысяч долларов. После сегодняшнего выпуска в банке сорок тысяч...

А деньги Биллу ох как были нужны. Он до отвращения ненавидел суетное царство пороков Скам-Таун. От возвращения в Пурхолд юношу удерживало лишь отсутствие денег. Вернуться поджав хвост, как и большинство молодежи, не принятое ярким обществом? Вернуться и стать объектом городских насмешек? Нет. Билл мог позволить себе вернуться только богатым.

Шоу «Обмани меня» давало такой шанс каждому.

Билл в волнении вскинулся и заходил по комнате, не зная, решиться или нет.

Его серые глаза зацепились за фотографию, аккуратно поставленную на полке с наградами за спортивные соревнования. Фотография сохранила лица трёх людей: молодой и сияющей женщины,

десятилетнего темненького мальчика и девочки, немного старше него. Это были Билл с матерью и сестрой Мелани. Спустя месяц после того, как был сделан этот снимок, Мелани умерла. Ей было только четырнадцать лет, и все, кто был знаком с этой лучистой девочкой, были от неё без ума.

Возможно, если бы Мелани благополучно дожила до настоящих дней, она бы наверняка, надев украшенную фальшивыми бриллиантами корону королевы выпускного бала, с отличием окончила школу, выиграла местный конкурс красоты и поехала в Скам-Таун бороться за звание «Мисс штата Тул». Там бы её неспорченное и незатемнённое сознание столкнулось с более жестокими и развратными людьми. Она бы безнадежно влюбилась в какого-нибудь местного донжуана, забеременела и была бы брошена. Скорее всего, гордая натура Мелани не позволила бы ей вернуться опозоренной в родной городок, и она бы покончила с собой, наглотавшись таблеток и оставив последние пять слов на жёлтом стикере на холодильнике: «Я во всём виновата сама». А может, ранее безупречная девушка почувствовала бы себя ответственной за жизнь внутри неё и навсегда осталась бы презираемой и высмеиваемой её вчерашними завистницами и поклонниками.

Да, в любом небольшом городке есть такая местная знаменитость и объект обожания. Так уж получилось, что эта роль досталась Мелани. За что бы ни взялась белокурая девчушка, всё у неё

получалось. Дети тянулись к ней, а взрослые души в ней не чаяли.

Для Билла она и вовсе была кумиром, да и она к нему тоже питала глубокие и нежные чувства. До того момента как Мелани исполнилось десять лет, она всё время проводила с Биллом. Брат и сестра, не похожие ни внешне, ни по характеру, понимали друг друга без слов, лишь по одному движению ресниц или вздоху. Когда Мелани после летних каникул вновь пошла в школу, в их доме появилась Дейзи, единственная подруга Мелани. Только она из остальных детей смогла подобрать какой-то ключик к особенному замочку на сердце девочки. Дейзи заменила Билла, прежде неоспариваемого вечного спутника сестры. Но и это, как и ранняя смерть Мелани, уберегло её от банальности — отдаления от брата. У Билла начали появляться друзья-сверстники, и теперь он не так отчаянно нуждался в общении и играх с ней. Брат и сестра нашли замены друг другу. Но вместе с заменой не пришла неприязнь. Мальчик, как и прежде, боготворил свою сестру, а вместе с ней и её подругу Дейзи, которая была прехорошенькая. Он очень мало знал о ней. Только то, что она жила с матерью и, как и он, боготворила Мелани. Его, Билла, Дейзи и не замечала: ему не досталось природного обаяния сестры. Но он и не стремился. Встречая Дейзи, он любовался ею, как любят цветы или красивым сердоликом, случайно обнаруженным на берегу моря, а потом откинутым по незнанию. Налюбовавшись, Билл бежал дальше

к своим друзьям... После смерти Мелани Дейзи исчезла из его жизни...

Это было 11 августа 1996 г. Тот день Билл помнил очень плохо. Тогда всё и началось...

С самого утра Мелани была необычайно задумчива и молчалива. Мама, решив, что дочь устала, пошла в гости к соседке, чтобы девочка могла отдохнуть в тишине. Билл сидел до полудня в своей комнате, а потом решил спуститься на кухню выпить молока. Как открывал дверь с плакатом Ричарда Чемберлена (героя экранизации книги о Джейсоне Борне 1988 года), спускался по лестнице и прошёл по коридору, Билл не помнит. Просто он, словно вынырнув на поверхность воды, оказался на первом этаже и что есть мочи, безудержно (барахтался) кричал. Его сестра лежала боком на полу. Рядом с ней валялись большие обломки старинной вазы с изображением лазурных незабудок... Несколько острых осколков антиквариата торчали из горла Мелани. И мокрый пол. Водяной ручей бежал с самых верхних ступенек лестницы, покрытых новым ламинатом, до лужи крови, которая вытекала из-под тела девочки. Билл стоял рядом с перилами и пальцы его ног чуть не касались воды.

Мальчик кричал, как (утопающий) будто боялся захлебнуться в этих жидкостях. А ещё он боялся неподвижно распростёртого перед ним тела. Сестра, которая при жизни была такая красивая и привлекательная, столкнувшись со смертью, превратилась в отталкивающую статую с

фарфором в горле, похожую на неправильного дикобраза.

Билл кричал, наверное, так громко, что его услышала мать и прибежала из соседнего дома. Она влетела в коридор и поскользнулась на луже. Женщина вытаращила глаза, будто её душили сзади невидимые руки и, коротко крикнув Биллу «замолчи!», вновь поскользываясь и вновь падая, доползла до тумбочки, стянула оттуда телефонную трубку и вызвала полицию.

Когда она крикнула Биллу, он мгновенно замолчал, но вовсе не от послушания. Ему резко перехватило дыхание, как будто кто-то, до этого удерживавший кнопку, заставлявшую его орать, теперь резко её отпустил. Вместе со способностью кричать мальчик потерял и сознание. Он сполз на пол...

Когда приехала полиция, она обнаружила бесчувственного Билла, мертвую Мелани и обезумевшую от горя мать.

Было решено, что Мелани шла из своей комнаты с бутылкой воды, оступилась, пролила воду прямо на ламинат, поскользнулась и буквально слетела с лестницы вниз прямо на любимую мамину вазу, радушно принявшую её в свои объятия...

Всё это было непонятно и странно, но мать девочки и полиция на этом успокоились. Мол, несчастный случай. Однако Билл удивительно чётко для своего состояния запомнил, что бутылка с водой лежала на расстоянии пяти шагов от пролитой на верхней ступеньки лестницы лужи. И почему-то на

следующее утро он обнаружил в мусорном ведре влажное скомканное полотенце...

Именно с 11 августа 1996 года у Билла начались ночные кошмары и провалы в памяти.

Новый день дерзко вступил в свои права, выпустив в небо с утра пораньше своё главное оружие — Солнце. Оно нещадно катилось по голубой материи, безжалостно обнажая ночные деяния и заставляя грешников жмуриться от яркого света, показывающегося на улицах и пробивающегося сквозь шторы.

Мир снова становился цветным.

Из чёрных глаза превращались в зелёные, голубые и карие. Одежда ночных попутчиков оказывалась кричаще яркой. А блестящая на асфальте рядом с пьяным человеком вода резко окрашивалась в красный... Каждый луч Солнца был рукой этого ухмыляющегося божества, играючи срывающей серую ткань загадок и лжи ночи.

Не миновало оно и квартиры Билла. Солнечный свет прорезался сквозь тряпку тюли на окне. В ошеломляюще ярких лучах эта комнатка казалась ещё более непривлекательной, чем в сумерках. Она была беззащитна перед разоблачающим Солнцем, и все её недостатки выглядели кричаще-вызывающими в своей неприглядности. Волна света лавиной хлынула от окна. Мимоходом мазнув краской по пыльной полке с кубками и

фотографией и не найдя там ничего интересного, она понеслась к неразобранному диванчику с лежащим на нём в неудобной позе Биллом. Злорадно усмехнувшись, луч на цыпочках пробежался по длинным ногам юноши, ущипнул его за бок, отодвинул прядь волос и — бац! — отвесил звонкую пощечину по правой щеке. Однако этой ночью Биллу было нечего скрывать. Он не прятал свои глаза и лицо от всевидящего судьи, и тот, беспечно пожав плечами направил свои лучи в другие окна. Но дело было сделано, и Билл уже не лежал, а сидел, потирая глаза, отчего-то ноющую щёку и разминая затёкшие на коротеньком диванчике конечности. Взглянув на часы, юноша сквозь зубы ругнулся и кое-как доковылял до холодильника.

«Ещё чуть-чуть, и я буду, как истинный таец, есть тараканов», — беззлобно отметил Билл, ознакомившись с одержимым двух стеклянных полок. Оно не радовало: немного сыра, немного бекона, яйца. «Но сегодня, во всех традициях национальной кухни, — завтрак англичанина!» — невесело пошутил парень, доставая продукты и ставя на конфорку сковороду.

Денег всё меньше и меньше. Неужели у него нет другого выбора, кроме как вернуться?! Эта мысль была столь абсурдна, что Билл вздрогнул и порезал палец о нож, который предназначался для расправы над беконом. Тонкая струйка крови пробежала по подушечке мизинца, стекла по тыльной стороне кисти к запястью. И тут же

услужливой ниточкой в голове парня заструились картинки привычных ночных кошмаров: руки, расширенные от ужаса голубые глаза девочки, раскрытый в удивлённом крике рот и падение. Торчащие из горла белые осколки и стекающая с них кровь, смешивающаяся с водой.

«ЛЖЕЦ!» — громко завизжало в голове Билла, и он, бросив взгляд на тёмный экран телевизора, резко зажмурил глаза, вспомнив события вчерашнего вечера. Сейчас ему было плевать, что он опаздывает к назначенному времени. Он тигром метнулся к тумбочке возле дивана и, схватив листок бумаги, с жадным любопытством стал перечитывать записанную им вчера на всякий случай информацию, необходимую для участия в шоу. В свете дня, лишённый сомнений и тревог, парень без колебаний схватил ручку и чистый лист и стал записывать необходимые для участия в шоу сведения о своей несуразной жизни. Как мало нужно сведений, чтобы стать богачом!

Наскоро позавтракав, умывшись и одевшись, парень вышел на улицу. По пути он заклеил письмо в конверт, купленный в ближайшей лавке, а затем опустил его в покорёженный почтовый ящик на углу дома.

Сделав это, парень пошёл к грузчикам с овощного рынка, где для него всегда находилась работа.

Перетаскав множество ящиков и мешков, вечером Билл направился домой. Как обычно, пешком. Ночной воздух был наполнен чем-то тягуче-

лениво-тревожным. Внезапно через дорогу Билл вновь увидел знакомый рекламный стенд. И снова — резкая потребность подбежать и перечитать слова, казалось, выжженные в его сознании со вчерашнего вечера. Слева от себя Билл заметил подземный переход. И поёжился. Но выхода не было. Как обычно.

Парень подошёл к ступенькам, ведущим вниз в темноту, и взглянул туда, как жители тропических лесов с опаской заглядывают в ямы-ловушки, с пугающим интересом стремясь узнать, что там внизу. Десяток ступенек, уходящих вниз. И темнота. Билл набрал в грудь воздуха и бросился туда. Но глаза его обманывали. Под землей не было темно. Висящие на стенах лампы источали тусклый, грязный, но всё же свет. Билл закрыл глаза, хотя раньше в подобных случаях ничего не видел. Но это было опасение... И вот — последняя ступенька... Обычно это начиналось именно в шаге от конца. Как и сейчас.

Билл ощутил, как сверху раздаётся привычный звук лёгких шагов и знакомый голос: «Что с тобой?». И взрывающийся отчаянной трелью крик: «Нет!». И ветерок, взъерошивший тёмные волосы парня, как будто что-то пролетело мимо него. Ещё один крик, в унисон ему — звон осколков. И жалобное бульканье. Со страхом открыв глаза и осторожно опустив носок кроссовка на заплеванный грязный пол, Билл наконец спустился с лестницы. Внезапно раздался топот, и его что-то толкнуло в плечо. «Чего плетёшься?», —

раздраженно крикнула на него проходившая мимо компания подростков. Билл торопливо пересёк туннель и уже без опаски поднялся по лестнице.

В свете городских огней замаячил рекламный стенд, видимо, уже претерпевший метаморфозу и вновь грешно кричащий: «Обмани меня». Парень злобно посмотрел на него и пошёл домой.

Войдя в комнату, он сразу же лёг на диван, не разбирая его, с мыслью о долгожданном спокойном и долгом сне. Но этим мечтам не суждено было сбыться...

Привычный маршрут. Светлые обои на стенах. Недавно постеленный ламинат. Даже во сне Билл ощущал этот запах свежего дерева. Лестница с царапиной на перилах. Много воды. Он как будто захлебывается в ней, но ещё чувствует под ногами пол. Внезапно, из-под воды медленно поднимается (всплывает) Мелани. Из её горла торчат осколки, покрытые кровью, сквозь которую буквально светится фарфор. Сестра хватает его за руку и тащит куда-то вправо. Она что-то говорит ему, но вместо слов он слышит лишь свист, вроде того, который издаёт сдувающийся шарик. Внезапно Билл начинает тонуть. Он кричит. Несмотря на то, что в рот ему вливается вода, он всё равно кричит. Кричит так, как будто от этого неизвестно откуда появившееся море расступится перед ним как перед Моисеем с израильтянами. Сквозь его крик изредка слышен женский вопль — «Лжец!!!».

«Мелани!» — резко сел Билл на диване с этим криком. «Мелани» — прошептал парень, стягивая с себя омерзительно мокрую от (воды и крови) пота футболку. На дрожащих ногах он встал с дивана и доковылял до выключателя. Едва тусклая лампочка осветила стены, Билл схватил с полки фотографию.

— Мелани, — с укором прошептал он, — скажи мне, наконец, правду. Зачем ты мучаешь меня? Ты же знаешь, что был не несчастный случай. Скажи... Почему я убил тебя?

Он все эти десять лет жил, зная, что это он так жестоко, хладнокровно и аккуратно выхватил у сестры бутылку с водой и под удивленным взглядом вылил всю жидкость на пол и отбросил емкость. Что толкнул свою сестру с такой силой, что она, поскользнувшись на коварно разлитой им луже, падает туда, прямо на вазу. Что стремительно подходит к ней и держит её распростертой на полу до тех пор, пока она безвольно не обмякает у него в руках и, получив свободу, ещё больше опускается на осколки и всплескивает руками, вызывая несколько мелких брызг, которые попали на рубашку Билла. Конечно, мать и полиция этого не заметили, но он уверен, что на его рубашке было несколько мокрых пятен... Он знает, хоть и не помнит, что это он тщательно вытер руки и подошвы подвернувшемся кухонным полотенцем... Только одну допустил он ошибку: кинул бутылку слишком далеко...

Он, лишь тень Мелани при её жизни, после её смерти стал школьной знаменитостью. Все подходили к нему и выражали соболезнования. Парень, ухаживавший за девочкой, предложил Биллу играть в баскетбол в их команде. Учителя ставили хорошие баллы даже за неправильные ответы.

И Биллу это нравилось. Именно из-за этого чувства он был на 90% уверен в своем преступлении. Но нескольких вещей он не мог понять: как десятилетний мальчик так всё просчитал? Как он так угадал последствия? За что он убил горячо любимую сестру? Откуда у него взялось столько жестокости и хладнокровия?..

Именно из-за этих 10% сомнений, а ещё раньше — просто из-за страха, Билл молчал до сих пор.

— Скажи: зачем? — раз за разом спрашивал он сестру на фотографии. Но Мелани, не обращая внимания на его слова, безмятежно улыбалась ему в лицо.

И никакого необходимого здесь сочувствия, сожаления или же, наоборот, превосходства. Вообще никаких чувств. Одни вопросы. И сны, мучающие разум.

«Обмани меня»

Билл затаив дыхание долго смотрел на заветные слова, а затем медленно открыл письмо со штампом местной телекомпании с пометкой шоу.

Внутри оказалась цветастая бумажка. Пестрый текст на ней уведомлял, что «многоуважаемый Билл Томпсон станет участником шоу 11 августа».

«Роковая дата», — сглотнул юноша.

Все две недели до съёмки с его участием Билл провёл в самоуверенной праздности. Он не пропустил ни одного выпуска шоу. На 11 августа в банке лежало уже сто шестьдесят тысяч долларов.

Пять раз за эти две недели Билл просыпался с именем сестры на кричащих устах и остаток ночи проводил, вопрошая фотографию: «Зачем?!».

Но она молчала.

ХРОНИКА ВТОРОГО УРОКА. ШИРОКО ОТКРЫТЬ ГЛАЗА И НЕ МОРГАТЬ.

— А теперь поприветствуем нашего следующего участника — Билла!

Парень вошёл в студию и попал прямо в перекрестье резких лучей прожекторов. На мгновение в его глазах наступила слепящая темнота. А затем ещё не оправившимся зрением буквально десять секунд юноша воспринимал всё в идиллическом белом свете, казавшимся особо здесь неуместным. Внезапно путеводным маяком сверкнул синим огнём один из фотоснимков многочисленных глаз, висевший чуть левее Билла. Парень моргнул от удивления. Это был зрачок

Мелани. Ошибка исключена! Это снимок глаза его сестры! Но... откуда? Знак? Неужели сестра решила отомстить?

Растерявшийся и напуганный, Билл чуть не проворонил мешочек с жеребьёвкой, который ведущий подносил по очереди к каждому участнику. Здесь, в студии, освещённый лучами прожекторов и буквально пропитанный этой атмосферой, Просто-Том казался ещё более нереальным, а его зубы — ещё более белыми.

Билл опустил руку в мешочек и, нашарив там что-то округлое, вытянул. Это оказался футлярчик размером с куриное яйцо и явно унаследовавший его форму. Внутри футлярчика был жетончик с двойкой.

— Отлично, Билл, — громогласно заявил Том, — тебе достался герой под номером «два». Это, кстати, ещё и твой порядковый номер.

Далее Билл провёл десять минут за кулисами в ожидании своего выхода. После короткой рекламной паузы ведущий позвал юношу в студию. Со странным хладнокровием он пошёл к зрителям. Но, несмотря на внешнее спокойствие, Билл боялся. Чертовски боялся. Однако не возможности проиграть и упустить банк. Он боялся фотоснимка глаза Мелани. А ещё того, что глаз прямо там, в студии, с холодным укором посмотрит на него... Картинки, одна реальнее другой, то и дело вспыхивали в его мозгу: с потолка начинает литься вода. Сперва тоненькой струйкой, прочерчивая

тоненькие стрелки по стенам, незаметно сворачивая к фотографии знакомого голубого глаза. И лишь только первая капля воды пробежала по уголку изображения, как тут же новые потоки жидкости хлынули откуда-то сверху, заливая студию...

— Итак, Билл, — прервал его страхи Том, — вот твоя героиня.

В студию, незаметно для юноши, проскользнула молоденькая девушка примерно одних с ним лет. Она встала напротив Билла, и он стал её изучать, как судмедэксперт изучает лежащую перед ним жертву, которая своим молчанием должна ему помочь.

Девушка оказалась хорошенькой. Однако если бы Билл встретился с ней на улице, он бы точно её не заметил. Волей-неволей он всегда сравнивал всех девушек с сестрой. Вернее, лишь с той воображаемой красавицей-Мелани, какой она должна была бы стать, если бы не вода и фарфор...

Девушка не шла ни в какое сравнение с Мелани. Да, хорошенькая. Более того, искусными руками гримеров и атмосферой в студии — почти красавица. Но в её глазах сквозило желание оказаться подальше отсюда, забиться под одеяло, спрятаться под ним, как маленький ребёнок от чудовищ. Такое ощущение, что девушку что-то тревожило. Но вот что? Видимо, именно от того, разгадает ли загадку её глаз Билл или нет, зависел исход сегодняшнего шоу.

— Билл, помни, что у тебя в распоряжении всего десять минут, — выкрикнул Том.

Парень вопросительно посмотрел на девушку. Она напустила на себя уверенный вид, распрямила плечи, подняла голову и чётко сказала:

— Я совершила убийство.

Зрители в студии ахнули. Да и сам Билл не мог сдержать удивления: внешний вид героини, скромность и запуганность говорили... Нет, буквально кричали, что это неправда. «Это же бред! — подумал Билл, — неужели организаторы не подумали, что это слишком явная ложь?!». Но тут же парень выдохнул, попробовал успокоиться и сосредоточиться. Слишком много денег стояло на кону, чтобы вот так сразу делать такие выводы.

— Кого же ты убила? — задал Билл свой первый вопрос, начиная эту опасную игру.

— Ту, которая считала меня своей лучшей подружкой. Ей было тогда четырнадцать лет, как и мне!

Миг — и Билл уловил, что та запуганность, которую он принял за одну из форм социофобии, легко может объясняться и таким ужасным поступком. Он вспомнил, как все десять лет трясся, моля, чтобы никто никогда не заподозрил его в убийстве сестры... Взгляд Билла мгновенно наполнился пониманием и состраданием к героине. Словно что-то общее было между ними. Одна вина на двоих.

— Почему ты это сделала? — был его следующий вопрос, заданный слегка обеспокоенным от этого открытия тоном.

— Я ненавидела её! — подобно мечу рассек воздух в студии, наполненной затаившими дыхание зрителями, ответ героини.

— За что? — воскликнул обескураженный игрок.

— Я думаю, такое чувство бывает у каждого, кто оказывался в чьей-то тени! Кругом все замечали только её заслуги, она во всем была лучшей, все любили её и стремились добиться расположения! Но больше всего меня бесила её доброта ко мне. Я ненавидела её и искала любой подходящий случай, чтобы как-нибудь навредить ей. Но она... Она буквально стала топить меня в своём обожании! Поначалу я думала, что она необычайно проницательна и решила держать врага при себе... Но вскоре я убедилась, что эта наивная дура и правда ко мне привязалась и искренне верит в мою взаимность. Я стала часто бывать у них дома. Богатая и обеспеченная семья. Их отец разбился на машине, и за его смерть они получили кругленькую страховку. Мой же отец бросил нас с матерью, и за свою жизнь мы ни разу не видели от него ни цента, — почти на одном дыхании выпалила эта тихоня.

Не ожидая от неё таких чувств, Билл с ужасом осознал, что верит ей. Как ужасно, когда человек, которому ты доверяешь, так тебя ненавидит. Однако парень тут же мысленно выругался: «А сам-

то хорош: убил родную сестру! Да ещё и скрывал это как последний трус». Хотя он даже не помнит, из-за чего. Но разве это его оправдывает? Вспомнить бы тот день...

Вынырнув из привычных мыслей и мимоходом взглянув на фотоснимок голубого глаза, Билл продолжил спрашивать:

— Наверное, убийство произошло случайно?

— Не знаю, можно ли это так назвать, — пожала плечами девушка, — у неё был серебряный браслет, и я украли его. На следующий день я пришла к ним домой, и она внезапно спросила меня об этом. Мы поссорились.

Слова героини обволакивали Билла, утягивая за собой в её историю её вины, её лжи. Словно её слова были целебными, и к нему наконец-то вернулись воспоминания о том дне. Словно её история, столь схожая с его вечной мукой, помогала ему осмыслить произошедшее с ним. Словно это было общее молчание, затянувшееся на десять лет. Как во сне, Билл внезапно увидел ту ситуацию, проясняющуюся при словах героини и дополняющую её его внезапно всплывающими воспоминаниями. Наверняка у той убитой девочки был тоже младший брат. Такой же робкий, как и Билл. Наверняка в тот день было очень жарко, и в полдень мальчик подошёл к двери из своей комнаты, в тысячный раз посмотрев на плакат любимого актёра из любимого фильма, как выяснится, ставшего в последствии чем-то схожим

с его жизнью, открыл её и вышел в коридор. А там были две девочки... Они отчаянно ссорились. Красивая, светленькая девочка с голубыми глазами (сестра мальчика) в чём-то обвиняла свою подругу. А та лишь яростно защищалась. Внезапно у неё вырвалась тирада, пропитанная ненавистью, и блондинка замерла, не веря услышанному. Её голубые глаза расширились от удивления, и она отошла назад. Босые ноги девочки остановились буквально в двух шагах от лестницы на первый этаж. Из её рук выпала бутылка воды, пустив ручеек вниз. Закончившая кричать, подруга сестры мальчика внезапно подошла к ней, подняла пустую бутылку с пола и замахнулась в бешенстве. Светленькая девочка сделала шаг назад, поскользнувшись на пролитой воде, пошатнулась и упала спиной вниз, отчаянно крича.

Стоявшая с бутылкой девочка ошарашено смотрела на свою подругу, а затем бегом спустилась по лестнице. Мальчик сглотнул комок в горле, образовавшийся от увиденной сцены. Он осторожно вышел из своей комнаты, прислушиваясь. Внезапно по лестнице поднялась подруга его сестры. Она вытирала полотенцем свои мокрые следы, затем взяла валявшуюся бутылку, провела белой тряпкой по ней, а затем отбросила. И ушла, так и не заметив слившегося с дверью мальчика.

Билл расширил глаза, ощущая, что ему не хватает дыхания. По тишине в зрительном зале он понял, что героиня уже закончила свою исповедь на весь

штат. Но зачем ему её слова, если он сам всё видел?..

— Почему ты после стольких лет молчания пришла сюда и говоришь об этом по телевидению? Тебя же не поймали? Если ты говоришь правду, тебя арестует полиция... — наконец смог он произнести какие-то, по его мнению, уже бессмысленные слова.

— А тебя мучили когда-нибудь кошмары? — тихо ответила вопросом девушка, и Билл побледнел.

Зрачок Мелани на стене расширился, что-то пытаясь сказать.

— Время кончилось! — объявил Том. — Ну, Билл, правду или ложь сказала тебе героиня?

Билл сжал кулаки. Он слышал, как зрители взволнованно переговариваются между собой, но сейчас ему надо было сделать выбор самому. Кто же убил голубоглазую девочку?

Ещё раз взглянув на зрачок Мелани, а потом прямо в лицо героини, парень решил:

— Она говорила правду!

Зрители удивленно взвыли. Девушка побледнела. А глаз его сестры на стене благодарно моргнул. Билл вернулся за кулисы, ожидая объявления результатов.

Вот она, долгожданная наполненность в голове, но от неё было пусто и хотелось скрежетать зубами. И не было мыслей по поводу только что произошедшего. Не было эмоций от этого кричаще-

яркого шоу. Просто хотелось вернуться домой в свой городок, в свою комнату, и, быть может, теперь кошмары оставят его наедине с памятью.

...Всех участников позвали обратно в студию для объявления результатов. Том щебетал что-то, радостно улыбаясь, и Билл вдруг понял, как ведущий напоминает ему того самого попугая Барри из шоу для детей! Внезапно Том сказал:

— Однако наша вторая героиня говорила правду, и Билл разгадал её!!! Поздравляем Билла из Пурхола, первого победителя нашего шоу!!!

Билл безучастно вышел вперед, расточая ошарашенные улыбки, принимая поздравления и жмурясь от яркого света и громкой музыки. Единственное, что он сейчас замечал, был голубой глаз Мелани, ласково смотрящий на него.

Написав у администратора расписку в получении чека, парень вышел в холл, ведущий к выходу. На белых стульях сидела его героиня, убившая свою подругу. Мимо прошёл Просто-Том и радостно хлопнул парня по плечу, ещё раз поздравляя с совсем не радующей его победой. Вместе с тысячами долларов парень получил что-то потяжелее и повнушительнее. Девушка подняла голову и, встретившись с Биллом взглядом, встала:

— Сейчас приедет полиция.

— Я знаю, — кивнул он, почему-то не решаясь посмотреть в её глаза: возможно, боясь увидеть в

них обрадованное своей невинностью отражение себя.

— Послушай, как ты понял... Неужели я так похожа на убийцу? — выпалила она, казалось, единственный тревожащий её вопрос, не ощущая, похоже, особой вины за содеянное, как и он когда-то.

Он внезапно подошёл к ней и, схватив её за руку, одним движением расстегнул серебряный браслет, висевший на запястье:

— Я заберу это в память о Мелани, Дейзи, — прошипел Билл и вышел на улицу, зная, что отныне перестанет бояться лестниц.

На улице уже царило преддверие ночи. Свежий воздух обдувал разгоряченное лицо парня, вызывая желание втянуть голову в плечи. Но он этого не сделал. Наоборот, он распрямил плечи, как бы стараясь стать выше, стремясь к честным людям, отправляясь в этот мир и веря, что больше не будет видеть укора в голубых глазах ночами. А кошмары? Разве только лжецы просыпаются ночью от пугающих картин того, чего днём видеть нельзя? Разве только убийцы видят своих жертв и картины кровавых убийств? Разве Билл — убийца? Разве Дейзи — лжец?

Дарья Усенко

Жизнь непредсказуема

ЖИЗНЬ НЕПРЕДСКАЗУЕМА

Жизнь непредсказуема. Кто знает, что произойдет с тобой завтра, в воскресенье или через месяц? Надо быть готовым ко всему: ко всем ударам судьбы, ко всем испытаниям. Кто-то легко с ними справляется, а кто-то под тяжестью этого груза погибает. Кто-то находит выход из ситуации, меняет свое мировоззрение и старается быть счастливым, а кто-то корит себя во всех бедах, и ничего не делает.

«Шум города. Иногда это наводит такую тоску. Суета. Все куда-то бегут, что-то делают. Звуки машин. Это давит на меня. Я устал от этого. Устал просыпаться по утрам и бежать на работу. Ехать в переполненном метро. Устал унижаться перед своим начальником, которого хлебом не корми, а только дай унижить, опустить себя на глазах коллектива. Устал бегать по городу в поисках всякого хлама. Как бы это странно ни звучало, я устал от цивилизации».

Данил сидел в одном из уютных кафе на Невском и смотрел на улицу. «Если бы можно было читать мысли... Я бы изменил мир. Или убил тут всех к чертовой матери. Сколько грязи, пафоса и эгоизма. Надо что-то менять». Уже целую неделю Данил жил этими мыслями, находясь в замкнутом состоянии, в депрессии. Все вокруг его раздражало и угнетало. «Все, с меня хватит. — подумал он, — Сейчас или никогда». Он попросил счет. Нервно допил кофе и

снова ушел в себя, как будто решаясь на преступление. Официантка принесла счет и с улыбкой положила его на столик. Еще минуту Данил был где-то за гранью реальности, затем резко встал и кинул в счет несколько смятых купюр. Весь потрепанный и задумчивый, он шел, ничего не замечая, сталкиваясь с идущими навстречу людьми, останавливаясь лишь на светофорах. Вскоре он дошел до офиса. Поднялся на свой этаж и сел за свой столик. Быстро написав что-то на бумаге, он пробормотал: «Ну, с Богом».

Через пару минут этот же несчастный лист бумаги лежал на столе директора издательства. Большой и внушительный мужчина стоял, скрестив руки, за большим креслом. Лицо его выражало недовольство. Ну еще бы. Мало кому бы понравилось потерять одного из корректоров в самый разгар выпуска книги.

— Данил, ты не хочешь подумать? Каковы причины твоего ухода? Проблемы с коллективом?

— Нет, Федор Викторович. С коллективом все нормально.

— Тогда в чем проблема? Давай я тебе зарплату подниму?

— Ну уж нет. Я принял решение. Его не изменить. Я имею право не объяснять причину ухода.

— Не имеешь.

— Я уезжаю. Навсегда. Подпишите заявление.

Федор строго посмотрел на своего подчиненного, взяв ручку.

— Назад дороги нет. Точно?

— Более чем.

Федор Викторович нервно поставил размашистую подпись. Данил собирался уходить, как его остановил вопрос.

— Куда уезжаешь хоть?

— На свободу, — сказал Данил и захлопнул дверь.

Пока он собирал свои вещи, по телу разливалось облегчение. Маленькая доля того, что он почувствует после реализации своего плана. Данил выставил на продажу свою большую трехкомнатную квартиру, собрал вещи и уехал за город искать новое пристанище. Он хотел быть дальше от мегаполиса, от городских людей, заниматься чем-то новым. Например, фермерством. Была у Данила одна идея — конная ферма. Деньги у него были, продажа квартиры принесет много прибыли. Так что попробовать стоило.

Он посмотрел участки в соседних деревнях и селах. Странно, что ему не понравилось. Не настолько он устал от мегаполиса, чтобы ехать жить в грязи. Иногда он сам не понимал, чего хотел.

Одна деревушка ему не понравилась, так как была слишком маленькой, слишком тесной, другая показалась ему слишком грязной. Целый месяц он потратил на то, чтобы найти себе новый дом.

И вот однажды, листая один из каталогов агентства продаж, он наткнулся на великолепный участок. Двухэтажный домик с верандой, с садиком, есть большой амбар, много пустого места — все это было идеально для фермы. На следующий день Данил съездил туда и убедился, что это именно то, что ему нужно. Уладив все дела с покупкой участка, он вернулся домой собирать вещи. В этот момент Данил как никогда раньше почувствовал себя одиноким. Чего он добился за эти годы? Ни семьи, ни друзей, ни карьеры, даже собаку не завел. И ради чего он пошел на такие жертвы? Ради карьеры? И что же, кто он после долгих лет упорной работы? Не об этом он мечтал в детстве. Столько всего упущено и не сделано. Жизнь работа не привела ни к чему хорошему. Вседни он соблюдал определенный ритуал. Монотонно и однообразно. Как же это было глупо. А сейчас все изменится.

Через несколько дней Данил переехал на ранчо. Ему приятно было так называть свою обитель. Это придавало какую то изюминку, стиль. Он хотел не просто вложить деньги в новое дело, а сделать что-то интересное. Ранчо в стиле кантри. Под Питером. Это идея его веселила. Он нанял строительную команду для обустройства фермы, поставил в доме мебель и решил съездить в город заказать корма для животных, которых скоро должны были привести. Приехав в город, он сразу взял обратный билет на утро, чтобы успеть все сделать. Но он справился с делами быстрее, чем

думал, и решил поужинать в каком-нибудь кафе. Через дорогу Данил увидел суши-бар. «Суши так суши», — подумал он и зашел внутрь. Данил сел за столик, но не успел открыть меню, как к нему подошел молодой человек, сидевший за соседним столиком.

— Данил? Здорово. Ты куда пропал?

— О, привет, Макс.

Мужчины обменялись рукопожатием.

— Я же уволился. Начинаю новую жизнь.

— Ну ты даешь. Ты один?

— Да, садись.

Мужчины разговорились, заказали выпить. Макс был в восторге от идеи Данила. Он даже пообещал, что прорекламирует его ранчо, чтобы у Данила были клиенты и прибыль. Дело пойдет в гору. Они долго сидели и разговаривали и не заметили, как стало поздно.

— Блин, что-то я засиделся, жена ждет — я пошел. Удачи, Данил.

— Пока, Макс. Заезжайте в гости.

Макс рассчитался за свой заказ и ушел.

Данил достал сигарету и томно закурил. Раньше они с Максом несильно общались. Это были чисто символические разговоры в кафетерии, коридорах, пару раз играли в боулинг. Сегодня они отлично

провели время. Он потушил бычок и выпустил клубы дыма. Жестом попросил счет.

— Наличные или кредитная карта? — спросил официант.

— Кредитка. — Он протянул карточку официанту.

Через несколько минут карточку принесли, и он положил ее в карман рубашки. Данил встал и понял, что изрядно выпил. Он двигался вперед, ни о чем не думая. Навстречу ему шел человек. Через несколько метров они столкнулись, из-за чего Данил ударился о стену дома.

Пробормотав что-то вроде «Извините!», мужчина поддержал Данила и поправил ему пиджак.

— Еще раз извините.

Данил махнул рукой и пошел дальше. Его мысли сплетались, так же как и ноги. Все казалось таким несправедливым, таким мрачным. Он задавал себе один и тот же вопрос: «Почему я недостоин быть счастливым?» Он петлял среди улиц и, кажется, уже забыл куда и зачем шел. Сознание все еще находилось под влиянием алкоголя. В очередной раз свернув за угол в какую-то подворотню, он оказался в тупике. Он уже хотел повернуть назад, как заметил отблеск огня на кирпичной стене. Как первобытные люди шли на свет и тепло, подчиняясь инстинктам, так и Данил подчинился природе. Руки изрядно замерзли, а остатки мыслей кричали: «Там тепло!»

За углом, возле бака с горящим мусором, сидел пожилой мужчина и грел руки. Одежда его была изрядно потрёпана, перчатки открывали вид на все грязные пальцы, а обувь и обувью назвать было сложно.

Данил протер глаза.

— Вечер, наверное, хорошо прошел? — Спросил мужчина. — Присаживайтесь.

Он показал рукой на ящики вокруг бака.

— Мне есть куда пойти.

— И поэтому вы сейчас здесь? Ночью в грязном переулке и в тонком пиджаке? Лето, конечно, но ночи сейчас холодные.

— А вам какая разница? Вы бы на себя посмотрели.

— О, молодой человек, если ваша гордыня не дает вам присесть рядом, то так и скажите. Я уже многое повидал. Если же проблема не в этом, то присаживайтесь, я не кусаюсь.

Разум Данила говорил, что странно это как-то. Вроде бомж, а разговаривает как вполне адекватный и образованный человек. Он, стараясь держать равновесие, подошел к ящикам и сел.

— Что-то с вами не так.

— И почему вы так думаете?

— Вы выглядите как настоящий бомж, но в то же время не похожи на него.

— Ох, молодежь.

— Как вы оказались на улице?
— Я отдал свою квартиру бывшей жене.
— Зачем? Вы себя угробили!
— А кто сказал, что меня это не устраивает?
— Я вас не понимаю.
— 8 лет назад у нас начались проблемы с женой. Полное непонимание, ругались по каждому поводу. Я думал, это такой период, и что все пройдет. Настроение было никакое ни дома, ни на работе. Жизнь превращалась в ад. Последней каплей стал один вечер. Я сидел дома, потом решил сходить в магазин. Вышел из дома, смотрю — машина стоит. Короче, застучал я жену с другим мужиком. Банальная ситуация. Развод. Квартиру решил оставить ей. Надо было все менять. Меня угробила эта жизнь. Ушел с работы, поначалу жил в пригороде в номерах, деньги кончались. Тогда я в первый раз заночевал на улице. Я увидел много нового в городе — меня это зацепило. Скажешь, идиот? Сам этого достиг? Был момент, когда я пытался выбраться из этой ямы. Но новый мужик жены решил мне за что-то отомстить. Богатый оказался кретин. Жаль, я этого не знал — так бы хрен оставил ей квартиру. Но ничего уже не вернуть. А из-за связей этого мужика меня не брали на работу. Потом я понял, как надо жить. Квартиру снимал только на зиму и холода. Летом раз в неделю ночевал в номере, работал, где только мог.

— И вы не хотите ничего исправить?
— Не сейчас.
— У меня есть деньги — я могу вам помочь.
Данил полез в карман за кошельком. Ничего не понимая, похлопал себя по груди в поисках бумажника.
— Вот скотина.
— Что, украли? Тут часто такое бывает. Много денег было?
— Не особо. На номер и на ближайшие дни. Черт, я найду этого гада.
— Смиритесь.
— Я хотел вам помочь.
— Мне не нужна ваша жалость.
— Вы хороший человек. Я просто хочу вам помочь.
— Вы лучше расскажите, почему вы здесь.
— Кем вы работали?
— Я был администратором в магазине. Теперь ваша очередь. Почему вы здесь?
Данил спрятал в руках лицо, почесал голову.
— Я был в ресторане. Встретил бывшего сотрудника, выпили. Я, походу, перебрал.
— Это не то. Копните глубже.

— Я захотел все изменить: меня достала работа, достал этот город, суета — я хочу спокойствия и умиротворения. Я хочу изменить свою жизнь.

— Насколько я понимаю, вы что-то уже сделали?

— Я продал здесь квартиру и купил ферму в пригороде. У меня есть одна идея, которую я хотел бы воплотить в жизнь.

— А жена как к этому относится?

— Не женат.

— Вы серьезно? Сколько вам лет?

—32.

—Пора бы уже. А друзья и родные как отнеслись к вашей идее?

— У меня никого нет. Я сам по себе.

— Вам, наверное, очень одиноко?

— Да, бывает.

Они разговаривали все ночь. Леонид Петрович оказался интересным собеседником. Не знаю, можно ли сказать, что они подружились, но они явно сблизились. Все оказалось не так, как казалось. Бомж не был, по сути, бомжом, а успешный на вид человек оказался несчастным.

— Знаете что, Леонид?

— Я вас слушаю.

— Через пару часов у меня поезд. Не хотите поехать со мной?

— О нет, мой друг. Это ваша мечта, я пока счастлив здесь.

— Хорошенько подумайте. Мне нужна ваша помощь. Вы умны и мудры, вы много что повидали. Только представьте: ранчо в Крылово, природа, спокойствие.

— Нет, Данил, простите, но я не могу.

— Вы мне нужны.

— Идите, мой друг. Вы опоздаете на поезд. Билеты же у вас не украли?

— Нет. Слава Богу, они лежали в другом кармане, как и кредитка Хорошо, что я ее сразу не убрал.

— Вот и славно.

— Мы еще увидимся?

— Все может быть. Жизнь непредсказуема.

— Я буду вас ждать. Вы знаете, где меня найти.

— Прощайте, Данил.

— До свидания, Леонид Петрович.

Они пожали друг другу руки, и Данил пошел в сторону вокзала. Он шел и думал. Ему казалось, что он поумнел за эту ночь, стал чуточку мудрее, ведь Леонид Петрович многому его научил. Он больше не считал этого человека бомжом. Бродяга, отшельник, но не бомж. Несмотря на внешний вид, это человек был счастлив. Его все устраивало. Данил понял, что счастье не в деньгах, не в карьерном росте, а в душевном умиротворении. Он

нисколько не пожалел, что позвал Леонида на ранчо. Он действительно будет ждать, и, если судьба будет благосклонна, они еще встретятся, и Данил многому у него научится. Данил в некоторой мере считал Леонида своим наставником, учителем, ведь они оба бежали от одного и того же, они оба искали свое счастье.

Данил уехал на ранчо. Он успел обставить свою берлогу. Вечером зажег камин, сел возле него со стаканом виски. Он почувствовал умиротворение. Ему это нравилось. Спокойствие...

Утром он встал рано, пожарил себе яичницу и решил погулять, посмотреть местность. Небо было чистым, утренний ветерок обдувал его лицо. Свежесть. Он страстно захотел взять краски и запечатлеть все на бумаге. Он вышел в лес, в раздумьях дошел до какого-то родника. Вода была кристально чистой. Родник впадал в озеро. Он захотел искупаться. Только начал снимать с себя футболку, как заметил девушку в воде. Она напоминала русалку, лесную нимфу. Он сел на камень возле воды и с улыбкой наблюдал за ней. Все это напоминало сказку. Через некоторое время девушка заметила, что за ней наблюдают.

— Вы не могли бы отвернуться? Я хочу выйти из воды.

— А я хочу в нее войти. Вы не против?

— Давайте я сначала выйду.

Данил отвернулся. Вернее, сделал вид что отвернулся. Он видел, как свет переливался на ее светлой коже. Изгиб спины манил. Девушка вышла из воды, накинула на себя легкую, свободную футболку. Она подошла к нему.

— Некрасиво подглядывать.

— Зато вы красивы.

Она улыбнулась.

— Вы, наверное, с той фермы?

— Это ранчо.

— Любите кантри? — Девушка рассмеялась.

Они познакомились. Данил проводил Карину до дома, взяв с нее обещание, что они снова увидятся. Она ему понравилась.

Прошел месяц. Дела на ранчо процветали. Данил учился ухаживать за лошадьми. Он завел пять этих аристократических животных. Он старался, чтобы они были ухоженными, также он учился держаться в седле. У него уже была лошадь, которую он считал чисто своей. Черный жеребец, которого он назвал Ворон. Данил нанял трех сотрудников для ухода за лошадьми. Скоро должны были привести еще троих жеребят. Как-то из города приехал Макс со своей семьей. Они провели выходные на ферме. Дочка Макса была в восторге от лошадей. Через выходные приехала ее одна семья по рекомендации Макса. Он решил построить домик для гостей и для работников, так как из города

часто кто-нибудь приезжал. Дело шло в гору, прибыль росла. Однажды Данил расчесывал гриву Ворона, подкармливая его сахаром, как у ворот появился человек. Один из сотрудников, молодой паренек по имени Гриша, крикнул:

— Данил, это вас!

Данил подошел к воротам. Он удивился, увидев улыбавшегося Леонида Петровича.

— Ну здравствуй, мой друг.

Michel de Ro

Коробка конфет

КОРОБКА КОНФЕТ

На деревню опустился туман. Маша накрывала на стол. Сонечка с важным видом хозяйки раскладывала столовые приборы.

— Мама, а почему солнышко спряталось?

— Оно устало, милая, светит целый день, а спать некогда. Ты по ночам же спишь, вот и ему хочется.

— Но сейчас еще не ночь. Так не честно.

— Солнышко по другому режиму живет. Встает оно рано, подтягивается, умывается и идет на работу в поле небесное и целый день нам улыбается, греет и радует своими лучиками.

— Но оно не всегда видно. Я так хочу на солнышке поиграть, мамочка.

— А у солнышка, Сонечка, тоже выходные должны быть. Нельзя же работать, не отдыхая. Боря! Леша! За стол!

Маша была хорошей хозяйкой. Родом из соседней деревушки, она уже с раннего возраста умела все: и печь затопить, и кур накормить, и баньку приготовить. Хозяйственная была. В 17 лет она уехала в город учиться на преподавателя музыки. Там, на одном из вечеров танцев, она и познакомилась с Алексеем. Он долго смотрел на нее, пока она плясала с друзьями, а потом не выдержал и пригласил ее на вальс. Это была любовь с первого взгляда. Не прошло и года, как

они сыграли свадьбу, а еще через год родился их первенец Борька. Мальчик рос смышленным и спокойным ребенком. Четыре года назад родилась Сонечка, и в доме снова забегали маленькие ножки, зазвучал детский смех.

Семью Крыловых любили в деревне. Леша был хорошим работником, Маша — добродушной и отзывчивой. А на Сонечку соседки не могли налюбоваться: этот ангел рос у них на глазах, радуя взгляд.

Вечером, перед сном, Маша, как обычно, читала Сонечке сказки.

— Мама, а кем я буду, когда вырасту?

— Кем ты захочешь.

— Я хочу быть принцессой или королевой.

— Значит будешь, милая.

— И принц у меня будет?

— И принц будет.

— И я хочу, что бы он меня так же любил, как тебя папа. Чтобы были танцы, и я была в красивом голубом платье. Ты сошьешь мне платье, мамочка?

— Конечно, дочка.

— И буду я очень красивая, и принц меня будет любить сильно-сильно. А потом я стану актрисой и буду петь принцу. И он меня замуж позовет?

— Конечно — как такую умницу не позвать будет? А теперь, солнышко мое, отправляйся в удивительный мир сновидений.

— Мама, а мы завтра поедem в город?

— Да, поэтому вставать надо рано. Сладких снов, доченька.

Около одиннадцати часов дом погрузился в сон. Потух свет, и звуки стали гораздо тише. Через полчаса распахнулось одно из окон. Из него вылез худощавый темноволосый мальчишка лет тринадцати. Боря, крадучись и оглядываясь по сторонам, будто боясь, что кто-то его раскроет, перелез через забор. Перелез — и кинулся сломя голову по пыльной деревенской дороге. Он остановился у небольшого домика. Три раза постучал по калитке. Через несколько минут возле него стоял Ванька. Как шпионы книг, которыми они зачитывались, они переглянулись и, жестикулируя, стали спорить куда идти.

— Они у мельницы будут, — Шипел Ванька.

— Нет, возле колонки. Чем ты слушал, когда мы договаривались? Опять о Катьке мечтал?

— Не твое дело. Они возле мельницы.

— Ты что, уши компотом моешь? — начал злиться Борька. — Спорим?

— Спорим. На щелбан.

Они побежали до колонки. Не сразу заметив две фигуры вдоль забора, Ванька крикнул: «Я же говорил!»

— Тсссс, дурак, тихо! Молчи.

Мальчики некоторое время шептались под кустом сирени. Туман рассеялся, и теперь были видны звезды. Луна мягко освещала юные мальчишеские лица.

— Мы должны наказать Петровича!!! Не нравится мне его поведение, — Борька с важным видом ходил вокруг Пашки.

— Ребят, может не надо? Он же не хотел, — засомневался самый младший из шайки — Костя.

— Надо. Надо его проучить. Может, поуспокоится немного.

— А вы не думаете, что Катьке достанется? — сказал Ванька.

— Не, Катюха сегодня у бабушки ночует, — сказал Пашка.

— Или ты трусишь? — с вызовом бросил Боря. — Тебя ни кто не держит.

— Нет, нет. Я готов, — смирился Костя.

Мальчишки еще немного постояли и двинулись вдоль забора. Остановились у небольшой калитки, посмотрели по сторонам и шустро перелезли через нее.

К слову сказать, Петровича в деревне не очень любили, хоть и руки у него были золотые: злой он был. Ребятишек всегда шугал, с мужиками всякий раз драться лез. Выпить любил очень. А выпьет — все, держись: разнесет все, что вокруг находится. Внучке, Катьке влетало постоянно. А вчера ребята играли в футбол на дороге, и мяч случайно залетел во двор Петровича. Борька с Костей пошли его забирать. Петрович сидел на крыльце и постукивал мячом об землю. Ребята попросили отдать мяч. Но на Петровича что-то нашло: он рассмеялся и разорвал его — мяч, который Борьке отец привез из Киева. Мяч, который был ужасно дорог этому юному сердцу. Борис пытался вернуть хотя бы его остатки, но все безуспешно. Еще и Кольке попало. В итоге мальчишки так и ушли ни с чем. А вечером в этих озорных головах родился коварный, на их взгляд совершенный, план мести.

Собака Петровича, овчарка по имени Тайга, их любила. Ребята постоянно подкармливали ее, играли с ней. Вот и сейчас, увидев мальчишек, Тайга радостно завиляла хвостом, ожидая, что ей снова, что-то принесли. И не ошиблась: в карманах Костика нашлось для нее угощение.

Входная дверь не была заперта — Петрович вообще часто забывал ее закрывать. Говорил потом, что ни чего не боится.

Ребята пробрались в дом. Хозяин дома спал на кровати, одетый, неумытый. Сразу было видно — пришел с очередной гулянки. У каждого из ребят была своя миссия. Борька должен был найти и

уничтожить в доме весь алкоголь, ибо он является причиной многих бед. Костя должен разложить мышеловки, причем так, чтобы в них попала не мышь, а Петрович. Ванька — найти удочки, любимый предмет старика, запутать леску и сети. Борька даже разрешил удочку сломать. Око за око, зуб за зуб. Пашка, шустрый мальчуган, стоял на страже. Все было очень легко: Петрович спал как убитый, удочки стояли в углу комнаты, алкоголь был в погребе. Борька вылил ненавистное ему пойло и залил в сосуд воды. Вот Петрович удивится! Миссия была выполнена, и в глазах ребят читалось удовлетворение. Они уже собирались уходить, как Петрович зашевелился. Ребята замерли. Борька, который стоял ближе всех к злобному старику, старался не дышать. Комнату освещал лишь лунный свет. Мальчишка боялся, что Петрович заметит его тень, или — еще хуже — включит лампу. Петрович привстал: «Катькааа! Принеси мне настойку! Эй! Катька!». Но потом он снова провалился в сон.

Еще несколько минут ребята стояли, не шевелясь. А потом выбежали из дома. Во дворе ребята кинулись к калитке и уже начали через нее перелезать, как Борька свернул к саду. Ванька зашипел:

— Ты что? Уходим!

— Вечер еще не закончился. Я клубники хочу — пошли.

— Я не вор, и ты не вор. Мы уже сделали, что хотели, — уходим!

— Ну, уж нет. Я без клубники не куда не уйду, — Борька рассмеялся.

Ребята посмотрели на него и перелезли через забор.

— Что это с ним? — сказал Костя.

— Черт его знает. Ненормальный. Как будто с цепи сорвался, — сказал Паша.

Борька вылез минут через семь с полным ртом клубники.

— Я уничтожил его урожай. Ха-ха-ха-ха! Хотите? — он протянул горсточку спелых, сочных ягод ребятам.

— Чужого не ем, — сказал Ванька и отвернулся.

— Ой, какие мы правильные, — с иронией сказал Борис и побрел в сторону дома, кладя в рот сладкую ягоду. Он пришел домой около двух часов и сразу лег спать. Где-то пропел самый ранний петух. Луна ярко светила, гуляя по улицам деревни, по нежному личику Сонечки. Ночь была наполнена тихими звуками. За окном было слышно стрекотание кузнечика, щебет птички, которая поет своим птенцам.

Борьке снился страшный сон. Какие-то громкие, ужасные звуки приближались. Снилось что-то хаотичное, мрачное. Грохот стоял, будто тысячи фейерверков запустили в один миг, будто тысячи

пушек стреляли одновременно. Ему снилось, что он идет с автоматом в красивой форме с гордо поднятой головой.

Его разбудила мама около четырех часов утра. Открыв глаза, он увидел полный ужаса и страха взгляд. За окном стоял гул, стекла дребезжали так, как будто пытались выбраться из рамы, найти спасение, чтобы не умереть, разбившись на маленькие осколки. Опять гроыхнуло. Сонечка плакала. Отец быстро надевал штаны. Мама подняла Соню на руки. Бомба упала где-то рядом. Паника захватывала сознание.

— Боря, вставай. Бежим — надо спрятаться.

— Мама, что случилось?

— Нас бомбят. Это, сынок, война.

Они кое-как добежали до сарая, где у них был погреб.

22 июня 1941 года в четыре часа утра фашисты сбросили бомбы на Киев, Минск, и другие приграничные города. Под обстрел попала и их деревня. С этого момента все изменилось.

Утром, когда все затихло, им было страшно выходить. Страшно увидеть разрушенную деревню, увидеть людей, которых уже, возможно, нет в живых. Деревня была в ужасном состоянии. Несколько домов были полностью уничтожены. Были и потери: четверо убитых и трое раненых.

Леша ушел на фронт в этот же день. В шесть часов вечера за мужчинами приехала большая машина. Вся деревня собралась прощаться с родными. Из мужчин в Иванове остались только Петрович, Сан Саныч, председатель сельсовета, и Прокофьев, единственный медик.

Маша стояла возле Леша и смотрела на него так, как будто хотела запомнить каждую клеточку его лица, каждую морщинку. Слезы беззвучно текли по ее щекам. Она не могла выговорить не слова. Леша обнял ее, крепко прижал к себе, вдыхая аромат ее волос. Вот настал момент прощания. Поцеловав Сонечку и Борьку, Алексей забрался в машину. Он старался улыбнуться, показать родным, что он вернется живым и здоровым, что все будет хорошо. Но его взгляд был не на шутку серьезным и решительным. Через несколько минут они тронулись с места. Маша стояла на дороге до последнего, пока машина не скрылась из виду. Слезы не останавливались. Она не понимала, как жить дальше.

Прошло два месяца. Жизнь деревни кардинально изменилась. Работали одни женщины. Весь урожай отправляли на фронт. Кто-то уехал в город на фабрику, кто-то — к родственникам, подальше от границы. Еды в деревне не хватало. Маша работала день и ночь. Днем в поле, на пашнях, а ночью дома, в огороде. Борька стал замкнутым и хмурым. Меньше времени проводил с ребятами, да и некогда было. Он изо всех сил старался помочь

матери. Петрович на время перестал пить. Взялся организовывать партизанские отряды. Письма с фронта приходили очень редко. Леша писал, что немцы пробираются все дальше и дальше вглубь нашей страны, писал, что они очень жестокие. Часто приезжал сержант из соседней дивизии. Жители помогали им как могли. Солдаты готовили какую-то операцию, и об их нахождении никто не должен был знать. Каждое утро Маша просыпалась с мыслью, как бы быстрее пережить этот день. Молилась, чтобы ничего не случилось, чтобы дети были здоровы, чтобы Алексей не был ранен или убит. Молилась о том, чтобы немцы не добрались до их деревушки. Она старалась не показывать маленькой Сонечке, что все плохо. Что где-то на Земле идет самая ужасная война, что где-то там, может, в тысячах километрах, от боли, от ранений умирают наши солдаты. Умирают с честью и достоинством, умирают, но с любовью к Родине. Что где-то там идет в бой ее отец. Для Сони он уехал на работу в город. Гражданской войне у него еще остались кое-какие боевые навыки, но на фронте он был бы бесполезен. Здесь, дома, он собрал молодых девчонок, мальчишек, что еще не попали под призыв. Обучил их бесшумной ходьбе по лесу, маскировке. Жаль только, что оружия у них не было. Всего лишь одно ружье (Петрович Охотой увлекался).

И вот однажды, после очередного «похода-разведки», к Петровичу прибежала Васька,

маленькая и худенькая девушка лет 18. Прибежала с огромными, испуганными глазами.

— Тимофей Петрович, Тимофей Петрович! Там в лесу... — Она не могла отдышаться, — там в лесу немцы. Ребята сказали, что они в нашу сторону идут. Их за сопкой видели. Через день-два здесь будут.

— Ну если за сопкой, то да. Пока через реку переберутся, через овраг. Успеем уйти. Сколько их было, не знаешь?

— Не знаю, Тимофей Петрович, но больше тридцати точно.

— Плохо наше дело.

Тимофей оглянулся. Мимо его дома уныло шел Борька, то и дело пиная камни.

— Эй, Борис, поди-ка сюда. Дело у меня для вас есть. Сейчас идите с Васькой, соберите весь народ у сельсовета. Будем вместе решать, что делать.

Борис сверлил взглядом Петровича. Он так и не простил ему ни мяча, ни того, что старик на их муть внимания не обратил. Васька толкнула Борю:

— Пошли, времени у нас мало.

Они быстро обежали всю деревушку, и вскоре у сельсовета собралась вся деревня. Правда, состояла она в основном из женщин, детей и стариков. И было их всего человек двадцать.

— Значит так, дорогие земляне. Двигутся к нам немцы. Много. Нам с ними не справиться. И они не

должны нас застать. Иначе проговорится кто-нибудь про солдат, и сорвется их важная миссия. Уходить нам надо. Причем быстро и, возможно, насовсем. Да так уходить, чтобы здесь ни чего не оставить, чтобы ни чего не досталось немцу поганому. Бабы зарокотали:

— Как все оставить? Куда идти? Как же мы без своего хозяйства? Куда же мужьям возвращаться?

Прокофьев вышел вперед:

— Эх, дело Петрович говорит. Ответственность на нас лежит. За Родину ответственность.

— И куда идти-то? Как выжить?

— Знаю я одно место, — начал Петрович, — в глубине леса, за сопками, есть одна землянка. После Гражданской осталась. Я в ней ночевал пару раз, когда на охоту ходил. Вот там и остановимся. И ручей недалеко есть, и место хорошее — все видно. Не найдут они нас.

На этом они и закончили. Каждый отправился собирать свои пожитки, припасы. Через три часа они снова собрались.

— Надо сжечь деревню.

— Что? Нет!

— Они быстрее уйдут, если им будет негде остановиться.

— Тогда они быстрее найдут нас или солдат. Надо оставить все как есть, — сказал Сан Саныч.

После долгих споров, Петрович сдался. Они направились в лес. Маша несла на руках Сонечку.

— Мама, а куда мы идем?

— Мы идем лес, в гости к русалкам и духам.

— А они хорошие?

— Да, они покажут нам свой удивительный мир. Подарят нам вкусных, сладких ягодок. Ты ведь хочешь ягод?

— Да, мамочка.

Они шли очень долго, как казалось Борьке. Всю дорогу он злился и не понимал, почему все слушаются Петровича, и почему они должны идти в лес. Если бы не мама, он бы развернулся и пошел домой. Он не понимал, почему все так боятся немцев, как будто они монстры. Люди как люди, думал Борька.

Когда они дошли до землянки, Боря кое-как держался, чтобы не сорваться. Они быстро разбили лагерь. Каждую ночь решили выстраивать караул по периметру. Через два дня Борьке наскучило, и он, никому ничего не сказав, решил прогуляться. Он шел в сторону своей деревни — очень ему уж хотелось на немцев посмотреть. Он сам не заметил, как подошел слишком близко.

Боря тихо подкрадывался, надеясь, что в деревне никого нет.

Вдруг громкий, суровый голос позади оглушил Бориса.

— Hände hoch!!!

Борис медленно оглянулся. На него было направленно три автомата.

— Was machst du da?

Боря не знал, что ответить.

— Ты кто? Как тебя звать? Руки вверх! Где твои родители? — заговорил один из фашистов.

— Ббориис. Я из этой деревни. Я не знаю.

— В глаза мне смотри! Где твои родители?

— Я не знаю.

— Руки вверх — и иди вперед.

Они привели его в деревню. Остановились у сельсовета. Один из немцев зашел туда. Боря разглядывал лица. Коленки дрожали.

— Эй ты, заходи! — сказал один из фашистов.

Боря поднялся по близким и знакомым ступенькам. За столом, где обычно сидел Сан Саныч, расположился немец. Его Взгляд сверлил мальчишку. Жестом попросил присесть.

Боре стало страшно. Немец выдвинул ящик стола и достал коробку конфет. Боря забыл обо всем. Что рядом враги, что идет война. В его глазах стоял конфеты — у него потекли слюнки.

— Бери, — предложил немец.

Боря медленно протянул руку. Схватил одну конфетку и, боясь, что ее отберут, закинул в рот. О,

этот незабываемый сладкий вкус! Он хотел еще, но немец одернул руку.

— Я дам тебе всю коробку, если ты ответишь на мои вопросы. Где жители деревни?

Боря посмотрел на немца и на коробку.

— Они в лесу. В землянке.

— Сколько человек?

— Всего где то двадцать.

— Сколько вооружены?

— Только у Петровича ружье есть.

— Сколько мужчин?

— Петрович, Сан Саныч и Прокофьев. И ребята.

— Как часто в деревне появляются солдаты Красной армии?

— Ни разу не было.

— Не ври мне! Смотри мне в глаза! Я знаю, что они здесь появляются! Как часто? Где они прячутся?

— Я не знаю, я ни разу их не видел.

— Хорошо, отведи нас к землянке.

— Можно мне еще конфетку?

Они двинулись в лес. Борис шел и думал. Что он делает? Ведь это называется предательство! Нет! Эти немцы, скорее всего Петровича заберут и уйдут. А остальных оставят в покое. Чем ближе они

подходили к землянке, тем больше сомневался Боря.

Может, ему обмануть их? Повести по ложному следу? Но тогда они и его убьют. Нет. Пусть лучше Петровича. Жить еще хочется. И его в деревне ждала целая коробка конфет. Он представлял, как будет наслаждаться этим нежным вкусом.

Когда они подходили к землянке, главный немец отправил одного из солдат с Борькой в деревню.

— Там моя мама — они же ее не убьют?

— Нет, они заберут Петровича и отведут его в город.

— А я думал, немцы не умеют по-русски разговаривать.

— Я не немец. Я просто на них работаю.

Оказалось, Евгений в первые дни войны был в Германии. Он был обвинен врагом народа за антисоветские идеи и выслан из страны.

Через несколько часов тишину леса нарушил выстрел. Первой пала веселая и хрупкая Васька. В лагере начался переполох. Следом еще пара выстрелов. Неожиданность и темнота сыграли фашистам на руку. Вскоре у них в плену были все. Допрос делали на месте. Первым допрашивали и пытали Петровича. Петрович молчал. Терпел боль и молчал. Он не был трусом. Он ни за что бы не предал своих. Он уже вынес трудности Гражданской войны и знал, что от него требуется.

Отвечаешь на все вопросы — берут в плен. Не отвечаешь — смерть. Маша сидела, прижав Сонечку к себе. Она молилась, чтобы немцы ушли. Раздался выстрел — мучения Петровича закончились. Так один за другим погибали жители Ивановки. Последней на очереди была Маша. Один из фашистов пошел к ней. Хотел забрать у нее Сонечку. Маша не отдавала своего ребенка: она знала, что может больше не увидеть этого личика, не подержать на руках этого ангела. Она с мольбой смотрела на немца. Фашист направил свой автомат на Машу. Слезы полились из ее глаз. Но вдруг дуло изменило цель — оно было направлено на ребенка. Голубые невинные глаза смотрели прямо в дуло автомата. Чистая, непорочная слеза катилась по пухлой щеке. Раздался выстрел. Тихий стон сошел с маленьких губ. И дикий крик матери, видящей и чувствующей, как умирает ее дитя, пронзил лесную тишину. Еще выстрел. И крик оборвался. Оборвалась жизнь.

Чекунова Ольга

Старый оркестр

СТАРЫЙ ОРКЕСТР

Вокзал — это место долгожданных встреч, печальных расставаний. Вокзал дышит своей жизнью, живет своим временем. Часто там можно встретить молодых людей, стоящих в обнимку под большим старинным циферблатом. Солнечные лучи, играя и заигрывая, блуждают по лицам ничего не замечающих и не подозревающих людей. Они останавливались на стрелках, били в глаза, тем самым заставляя людей прищуриваться, закрываться от солнца. На вокзале нет единства. Все люди сами по себе, и никого не волнуют чужие проблемы. В редкие минуты, когда шум утихает, люди, уставшие от ожидания и безделья, дремлют, продавщицы в ларьках от отсутствия работы открывают книгу. В одну из таких редких минут часы неожиданно остановились.

Звук умирающего механизма заставил вздрогнуть женщину, уснувшую на плече мужчины, которому было неудобно. Пару секунд похлопав ресницами, она извинилась. Мужчина устроился удобнее и улыбнулся. Снова поднялся гам. Люди, приехавшие на вокзал, куда-то спешили, торопились и сливались в один большой, неровно движущийся поток. Никто не замечал, как сложно было идти среди этой толпы пожилому мужчине с маленьким мальчиком. Они смогли свободно вздохнуть лишь под часами. Мужчина поднял голову. Долго и

пристально он смотрел на часы, будто что-то вспоминая.

— Сломались. Жаль, хорошие были часы, — тяжело вздохнул он.

Мальчик вслед за дедушкой взглянул на циферблат.

— Красивые, правда? — грустно сказал дед.

— Они уже сломались, а значит, ни кому не нужны, — сделал заключение малыш.

— Ты не прав, Артур. Просто не прав.

— Деда, посмотри какие они старые.

— Они не всегда были старые. Когда-то люди смотрели на них с восхищением. Я помню тот день, когда их повесили. Большие, блестящие, совершенно новые. Они радовали взгляд. Я в тот день уезжал к своему другу в деревню. Было мне, ну лет девятнадцать. Эх, молодость. Рабочие налаживали часы, а люди стояли и смотрели. Среди лиц в толпе меня привлекло лишь одно. Нежные черты лица, зеленые, неописуемо красивые глаза, полные губы, взгляд. Она с восхищением смотрела на часы. Я тогда стоял и думал, как можно такому бытовому явлению так радоваться. Искренне и по-детски. Она откинула свои яркие рыжие локоны, и тут я поймал ее взгляд. Это было незабываемое чувство. Работа была закончена, и, когда люди стали расходиться, я ее потерял.

— А что дальше было, деда? Ты ее нашел?

— Это была бы сказка, если бы я кинулся ее искать. Я даже забыл ее совсем.

— Как так? Так не интересно.

— Ну, скажу тебе еще, что я ее встретил через пару недель. Когда назад приехал. В том же месте, на вокзале. Она пыталась поднять очень тяжелую сумку, а я, как джентльмен, решил ей помочь. Но что за упрямая была девчонка! Только я поднял сумку, как она у меня ее выхватила: «Я сама». Она не прошла и метра, как решила отдохнуть. Я шел за ней. После очередного «привала» я снова к ней подошел.

— Матвей, — представился я и протянул руку. Она посмотрела на нее и неловко пожала.

— Лия, — сказала девушка и улыбнулась.

— Лия? Какое удивительное имя. Не слышал о таком.

— Корнелия, если быть точным. Но прошу, называйте меня Лия.

— Как скажете. Может вам все-таки помочь?

— Нет, спасибо. Ко мне уже идет помощь.

Она кивнула в сторону долговязого паренька, который махал рукой с другого конца вокзала. Я пожал плечами и покачал головой. Солнечные лучи, отраженные от витражного окна, упали на ее скулы.

— Это мой брат. Спасибо за попытку помочь.

В тот момент я будто заново родился. Еле как сдержался, чтобы не показать всю свою радость. Это всего лишь ее брат. Ухх.

— Мы еще увидимся? — с надеждой спросил я.

— Возможно.

Брат ее подходил все ближе и ближе, и она уже собиралась уходить, а я все стоял и тормозил, не зная, что сказать. Она пошла ему навстречу.

— Как мне тебя найти? — уже крикнул я.

— Завтра в пять возле театра, — она обернулась и улыбнулась.

А я стоял, как дурак, смотрел ей вслед и тоже улыбался.

— А дальше? Что было дальше, деда?? — глаза мальчика горели, во взгляде читалось любопытство.

— А дальше пошли где-нибудь сядем, а то я что-то устал.

Они медленно встали и не спеша пошли в сторону выхода. А вокзал все так же жил своей жизнью: все так же куда-то спешили люди, все так же спала женщина на плече мужчины, и теперь уже молчали когда-то прекрасные часы.

Воробей долго кружил под окном, не зная, куда приземлиться. Что его останавливало? Искал ли он

еду или местечко поудобнее? В итоге это крошечное создание село на подоконник витрины.

Артур пил горячий чай с пирожками и рассматривал улицу.

— Деда, ты мне обещал рассказать, что было дальше.

— А что было? На следующий день я пришел к театру в пять часов, как она и говорила. И что ты думаешь? Ее не было. Я подумал, что не судьба. Через три дня в городе была ярмарка. Приезжал цирк: музыка, суматоха, веселье. Самые разные карусели. И сцена. Большая сцена. Она танцевала. Так изящно и завораживающе, что я замер от удивления. После ярмарки мы долго гуляли. Так началась наша дружба.

— Ты ее любил?

— Я влюбился в нее по уши. Ее невозможно было не любить. И поэтому я ее очень ревновал.

Они доели пирожки в местной кафешке и вышли на улицу.

— Сейчас я покажу тебе одно место... Наше место. Место моей жизни, моей страсти. Место, которое я никогда не забуду.

Они завернули за угол. Это была тупиковая улица, в конце которой стояло большое здание. Матвей остановился перед ним. Сначала, он подумал, что ошибся улицей. Но нет: вот старый огромный дуб, странно, кстати, что еще живой, вон магазинчик, в

котором всегда можно было найти какую-нибудь необычную вещь. Несомненно, они находились именно в том месте, куда шли.

— Господи, что с тобой сделали, — пробормотал старик.

— Деда, что это за здание?

— В те времена это был Городской Дом культуры. Куча мероприятий, праздников, выступлений, театр, там даже шатер для цирка был. А сейчас что? Посмотри на него. Никому не нужное, забытое, разрушенное.

Здание обветшало, стекла выбиты, двери сломаны, а створки висят на одной петле.

— Что с тобой стало? — прошептал Матвей.

Они зашли внутрь. Когда-то красивые стены сейчас облезли и выцвели, узоры и рисунки еще проглядывали в некоторых местах, приводя в уныние. По всему полу валялись палки, доски, сломанные стулья, стекла, мусор. В помещении завывал ветер.

— Это холл. Там находился гардероб, вот здесь стояли диванчики, висели зеркала, а там — вход в концертный зал. Помню, однажды я выступал в театре — играл Онегина, вроде. Целый день репетировали, а перед выступлением я решил пройтись. И тут на лавочке сидела она.

Матвей замер в воспоминаниях. Лента времен пронеслась у него перед глазами. Он в старомодном

костюме идет по коридору, вглядываясь в лица. Матвей увидел Лию и расплылся в улыбке. Она сидела на лавочке у зеркал, нарядная и очень красивая.

— Моя Коко, ты все-таки пришла, — улыбнулся Матвей.

— Я не могла пропустить твоё выступление.

Прозвенел гонг, извещающий о начале выступления.

— Мне надо бежать.

— Ни пуха ни пера, — сказала Лия.

— К черту, — Матвей наклонился к ней. — Я буду ждать тебя возле дуба после выступления.

Он поцеловал ее и побежал за кулисы. Теперь он точно был уверен в успехе спектакля, ведь в зале будет она.

— Деда! — окликнул Матвея внук.

— Да-да. Пошли, я покажу тебе все.

— А что было в конце истории дедушка?

— Наша любовь закончилась очень печально. Мы встречались полтора года, а потом... Потом меня забрали в армию. А она не дождалась меня. Нет, не в том плане «не дождалась». У нее случилась трагедия: умерла ее мать. А Коко переехала в другой город. Когда я вернулся из армии, меня ждала ее прощальная записка. Я пытался ее искать, но она оборвала все связи. А следующим летом

заболела моя мама, и мне пришлось уехать к ней. Там через три года я встретил твою бабушку.

Матвей шел по коридорам с болью в сердце, вспоминая моменты, которые происходили здесь. Волнения перед выступлениями, отработка перед зеркалом, смех в гримерке. Так они дошли до кулис. В углу, кроме хлама, валялись музыкальные инструменты. Все это было похоже на кладбище искусства. Морис разглядел в это куче кое-что. Он нагнулся и вытащил саксофон. И опять его захватило воспоминание. Он стоял на том же месте, где и в реальности. Так же держал в руках саксофон. На сцене выступление было в самом разгаре. Он подошел к кулисам. Певица в неприлично коротком платье пела джазовую песню. Волнение разливалось по телу. Певица взяла высокую ноту, закрылся занавес. Теперь его выход. Он медленно выходит на середину сцены, подносит ко рту саксофон. Матвей не заметил, как делал все точно так же, как и тогда. Он был там, у себя в воспоминаниях. Артур спустился со сцены в зал. Матвей заиграл. Мрачный, забытый зал оживал в звуках музыки. В миноре все возвращалось на свои места. Свет будто стал ярче, кресла восстанавливались, атмосфера в зале наполнялась теплом. Призрак зрителя стал ощутим. Артур оглядывался вокруг. Размытые лица внимательно вслушивались. Энергия, которая шла от них, передалась Артуру. Матвей играл с закрытыми глазами. Даже так по щекам текли мужские слезы. Слишком яркая была ностальгия.

Матвей полностью отдался музыке, и по окончании мелодии он еле находил в себе силы стоять на ногах. Музыка кончилась — и видение пропало. Но воспоминание о нем навсегда осталось в памяти Артура.

— Деда, это было чудесно. Удивительно и неповторимо. Научи меня. Я тоже хочу быть артистом.

Michel de Ro

Разговор

РАЗГОВОР

*Хорошо, давай не о людях,
Давай не о добром и злом,
Не будем о вечном трепаться —
поговорим о том,
Как двое сидят на кухне и, выпуская дым,
Перемывают кости близким и неродным.*

*О том, как за спинами многих
Ты треплешь своим языком,
На кухне, под потолком,
Чаи распивая и не разбирая,
Как плохо кому-то потом.
Ты можешь сидеть до утра,
Нахально смеясь, улыбаясь,
Потом совершенно не каясь,
Что давно прекратить пора.*

*Люди погрязли во лжи,
И мыслей нет выбиратья,
Ссориться и расставаться,
Спорить и не отступаться,
Чтоб просто спокойно жить.
Ведь хочется быть счастливым.*

*Мы кормим ложью себя,
Встречаемся, не любя,
Чтоб просто пожить красиво.
Мы врем даже самым близким,
Считая во благо ложь.
Обман, будто в спину нож,*

*Обиду таишь,
Когда тебя называют низким.
Мы выпиваем виски
И говорим о том, как больно нам было слышать,
Что кто-то поганым ртом,
Бранил тебя, а потом,
Смотря в глаза, улыбался,
И в вечности дружбы клялся,
И бед не боялся, но
Все мы не идеальны,
Прошу тишины минутой.
Мы врем маниакально,
Беспочвенно и радикально,
Наводим словесную смуту.
Прислушайтесь, люди без веры,
Не нужно фальшивых нот:
Обида сама пройдет,
А ты поступаешь верно.*

Michel de Ro u Charlie Red

Мойры нашего подъезда

МОЙРЫ НАШЕГО ПОДЪЕЗДА

Тихий хрущевский дворик, каких тысяча, а то и больше. У подъезда стоит облезшая зеленая лавочка, каких тысяча, а то и больше.

И, как это обычно бывает в теплое время года, на ней сидят старушки. Первая — миловидная и аккуратная женщина с прической «пудель» и жемчужным ожерельем. У второй были не по годам яркие рыжие волосы, вздернутый носик и быстро бегающие глаза с неистовым блеском. Третья старушка была, казалось, самой пожилой и неразговорчивой из них. У нее были чуть мелковатые черты лица, поджатые губы. В руках у каждой был клубок ниток.

— А вы знаете, что Анька из 23 квартиры беременна? — вдруг спросила вторая.

— Наверное, от какого-нибудь богатого мужчины? — размечталась первая старушка.

— Богатый или нет — не знаю, но плечи у него широкие, а фигура прям царская! — ответила вторая.

— Мальчик или девочка? — поинтересовалась третья.

— Мальчик — наверное, летчиком будет! — вновь дала волю мечтам первая старушка.

— Что-то ты путаешь, сестра: летчик-то у нас уже был. Плохо кончил. Жалко мальчика... — третья

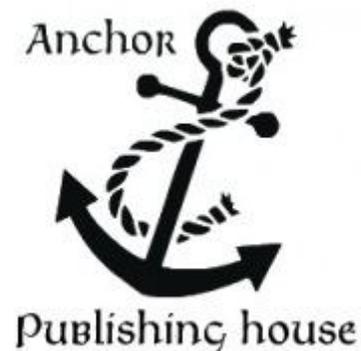
старушка отвела взгляд, нервно теребя в руках клубок.

— Тогда, наверное, художником будет или скульптором! Никогда не знаешь, что взбредет в голову этой молодежи... — покачала головой первая и занялась вязанием

— Одна любовь в голове! — усмехнулась вторая старушка и, как и ее подруги, принялась вязать нить судьбы Пигмалиона.

Лиза Ясенская

Сборник составлен студентами первого курса
Филологического факультета, по специальности
«Издательское дело»

Главный редактор — Гладышев Илья

Корректор, младший редактор — Пржигоцкий
Владислав

Технический редактор — Ференцева Маргарита

Художественный редактор — Чекунова Ольга.